

НИНЕЛЬ НУАР

РОЗОВАЯ

ДИМИТРИ

Нинель Нуар
Терновая Лилия

«Автор»

2021

Нуар Н.

Терновая Лилия / Н. Нуар — «Автор», 2021

Бесконечна круговерть человеческих пороков. Во дворце и в распоследней лачуге кипят одни и те же страсти, только вот желающим подняться повыше их амбиции могут стоить головы. Как выжить в море обмана и коварства, если даже умудрённые годами опыта придворные порой попадают впросак? На окраине города, в сумрачном переулке очнулась та, что не помнит ни себя, ни своего имени... В тексте: #героиня и ее амнезия #герой, на удивление приличный человек #заговорщики, предатели, и просто противные личности - в ассортименте #интриги и тайны #бытовое фэнтези #альтернативная Франция и немного магии

© Нуар Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Нинель Нуар

Терновая Лилия

Глава 1

Тяжёлые капли падали на лицо, скатываясь к ушам и оставляя за собой липко охлаждающие дорожки. Грозовая свежесть и прелая земля смешались с не столь приятными обонянию навозом и лежалым мусором.

Я втянула ядреную смесь носом и закашлялась. В груди саднило, под спиной ощущались острые грани камней, а голова раскалывалась от невыносимого звона в ушах. Мысли разбежались, будто спугнутые странным, неестественным звуком.

Ресницы разлепились с трудом.

Приоткрыв глаза, я наткнулась взглядом на чей-то сапог. Вытертая кожаная подошва с небольшим каблучком, сбитым по краям до белых полос, высокое голенище до самого колена. Темные штаны, темная рубашка, матовый жилет из облезлой кожи.

Он почти сливался в ночной тьме с брусчаткой, на которой лежал, больше напоминая грудю отходов, нежели человека.

Мужчина неестественно изогнулся, поджав ноги к животу и запрокинув лицо... И не подавал признаков жизни, уставившись широко распахнутыми глазами в низкие грозовые тучи. Дождь ему уже не мешал.

Приподняв голову, я огляделась. Узкий переулок заканчивался высокой стеной без окон, с острыми поблескивающими навершиями. Похоже на чей-то забор, только очень уж надежный. Я лежала примерно в той же позе, что и мужчина, только ткани на мне было намотано куда больше.

Самое странное в нашей позиции было то, что мы практически соприкасались ладонями. Может, даже держались друг за друга до тех пор, пока не потеряли сознание?.. Кто он? И почему мы в этом тупичке вдвоём?

Я приподнялась на дрожащих руках, попыталась встать и чуть не упала снова, запутавшись в юбках. Кроме того, голова кружилась по-прежнему. Ползком, подтягивая за собой стреноженные тканью ноги, как паралитик, подползла ближе к голове мужчины и приложила пальцы к шее. Он не шевельнулся и не дрогнул, к тому же кожа его была холодна как лёд. Умер, похоже, довольно давно и уже успел окоченеть.

При взгляде на его лицо ничто во мне не отозвалось. Совершенно чужой, еще молодой парень с острой бородкой клинышком и пышными усами, призванными прибавить ему лет и солидности. Сейчас волосая растительность печально поникла, размокшая под потоками воды. Нервно поведя плечами, я ладонью опустила бедолаге веки. Пусть мы не знакомы, но пристальный взгляд мертвеца порядком нервировал.

Откуда-то сбоку в переулок проникало немного света. Откинув в сторону тяжелую полу плаща, я осмотрела мужчину, без особого пиетета охлопывая его бока и живот в поисках как ран, которые могли бы объяснить его состояние, так и чего-то полезного. Сама не знаю, что именно я искала и какое мне дело до причин его смерти – действовала на чистых инстинктах. Руки мои, впрочем, вполне умело обыскивали многочисленные внешние и потайные карманы кожаного жилета, вышитого царапучей металлической жесткой нитью.

К сожалению, ничего полезного там не оказалось. Зато ниже мне повезло.

На поясе звякнул мешочек. Чтобы отвязать его, пришлось повозиться: шелковые веревочки затянулись и распутываться отказывались, тем более под моими одеревеневшими паль-

цами. Но я справилась. Не тратя время на подробное разглядывание, сунула добычу в карман... и поняла, что в подоле его нет.

Теперь уже я охлопывала себя, пытаюсь понять, куда спрятать приобретенное. Юбок обнаружилось аж целых три и все в плане хранения вещей бесполезные. Ткань была мокрая, жесткая и грубая, особенно та, что шла внешним слоем.

Верхняя моя часть оказалась более перспективной – у нее имелось декольте. Причём внушительное такое, хоть и полуприкрытое подмокшим под дождем платком. Вымокла, впрочем, я уже вся, где больше, где меньше. Обувь моя – кстати, куда проще, чем у мужчины, из грубой кожи на деревянной подошве – тоже набрала воду и хлюпала при каждом движении.

Дождь уже лил практически стеной, не ограничивая себя отдельными, тактичными, каплями. Нужно бы поторопиться и найти убежище, пока меня не смыло.

Но для начала хотелось бы убраться подальше от трупа.

Держась за каменную кладку, я кое-как поднялась на ноги, поправила мешочек в ложбинке и еще раз окинула взглядом переулок, проверяя, не оставила ли чего нужного. Подумав, шагнула к мертвецу и, расстегнув, стащила с него плащ.

Ему он уже ни к чему, а мне пригодится.

Завернувшись в плотную, почему-то абсолютно сухую, несмотря на долгое лежание в луже, ткань, я двинулась, пошатываясь и придерживаясь одной рукой за стену, на свет. Фонарь висел высоко, чуть покачиваясь в креплении от бьющих в него увесистых дождевых капель.

Улица была немногим шире приютившего меня до того тупика. Камни мостовой лежали неровно, слегка выпукло, так что потоки воды стекали в специально, судя по всему, проложенные каналы у самых стен зданий. К тому, что бурлило под моими ногами, я старалась не присматриваться – мне вполне хватало запахов.

Натянув пропахший дымом и мужским потом капюшон по самые глаза, я побрела вслед за ручейками, потому что даже близко не представляла, где нахожусь и куда мне нужно. Просто шла, заплетаясь ногами, и покорно сворачивая вслед за извилистой улицей.

В какой-то момент дождь превратился в град, и я спряталась под узкий оконный карниз. Пришлось буквально вжаться в стену, балансируя на узком поребрике и стараясь не свалиться в ручей с нечистотами, зато я не рисковала получить по голове кусками льда размером с голубиное яйцо.

Воспользовавшись вынужденной передышкой, залезла себе в декольте и вытащила мешочек, чтобы осмотреть получше добычу. Очередной фонарь, чудом продолжавший светить даже в подобном светопределении, бросал неверные отблески на медные, чуть позеленевшие мелкие монетки. Я покопалась среди них пальцем, вытащила одну. Она неприятно пульсировала, так что у меня аж суставы свело. Ее я брезгливо, даже не задумавшись, выбросила в бурно текущую мимо грязь. Остальные такой реакции не вызывали, хотя я тщательно проверила все.

Снова затянув шнурок, спрятала деньги обратно. Потом пересчитаю.

Град поутих, снова превратившись в сравнительно безобидный ливень. На подмерзшем от насыпавшегося льда поребрике становилось небезопасно, поэтому я перебралась через канаву обратно на дорогу и снова побрела по пустой улице. Больше ни одного человека мне навстречу не попало – ни мертвого, ни живого, будто город опустел. Скорее всего, все просто сидели по домам, пережидая буйство стихий.

Ан нет, не все.

Кроме журчащей воды и моих шагов, больше ничто не нарушало тишину затаившегося города, поэтому громкое пение и стук посуды я услышала издалека. Пахло тоже неплохо, специями и жареным мясом, поэтому я невольно замедлила шаг. В животе согласно заурчало. Кажется, я давно не ела, наверное, потому и общая слабость.

Что бы ни приключилось со мной в том тупике, чувствовала я себя неважно. Ноги отказывались слушаться, пальцы подрагивали. Да что там, я даже пряжку на плаще застегнула с

трудом. Поэтому идея подкрепиться, укывшись от поднадоевшего дождя, показалась заманчивой.

Подойдя к зданию поближе, я сдвинула капюшон на макушку, чтобы не мешал, и, приложив ладони по обеим сторонам от лица, прижалась лбом к давно не мытому стеклу.

Окна веселящегося дома были ярко освещены, но разглядеть ничего не получилось – они были занавешены чем-то кружевным. Просматривались столики и сидящие за ними люди, но ни лиц, ни еды видно не было. Я сглотнула набежавшую слюну, и, как по заказу, рядом со мной распахнулась дверь, обрисовав громадный широкоплечий силуэт на светящемся фоне.

– Какая красотища! – протянул пьяный бас и неожиданно икнул.

Аппетит мой мигом испарился. От мужчины тянуло алкоголем в такой концентрации, будто он в нем купался, а не пил. Хотя, судя по тому, как у него дрожали руки, которые он ко мне протянул, большая часть выпивки попадала все-таки внутрь, а не на одежду. В лопатовидной бороде застряли куски чего-то неприглядного и вряд ли сегодняшнего, кустистые брови соперничали на лице за лидерство с багровым носом-картошкой.

Учитывая, что при этом он был выше меня ростом на две головы и раза в три шире в обхвате, мысль переждать дождь в этом чудесно пахнущем заведении тут же перестала казаться такой уж завлекательной.

– Иди к нам, согреешься. Дождище-то какой, бр-р-р, – гостеприимно пробормотал он, снова икнув посреди фразы, и попытался схватить меня за плечо. Я отступила на шаг, и загнувшиеся пальцы-сосиски схватили пустоту. Мощные надбровные дуги сошлись на переносице. – Сюда иди, говорю, шалава!

Молниеносный бросок застал меня врасплох. Не думала, что пропойца способен на такие резкие движения. Он цепко ухватил меня за предплечье и потащил за собой, бормоча под нос: – Вот ребята порадуются: как раз жаловались, что баб нет.

Я уперлась деревянной платформой обуви в торчащие из мостовой камни. Вот уж мне совершенно не нужно туда, где очень хотят баб. Тем более шалава.

Почему-то я уверена, что ко мне это нелестное определение не относится.

Бородач продолжал тянуть, искренне убежденный, что я жажду присоединиться к их обществу. Масса у нас была совершенно не сопоставима, поэтому, когда он, заметив, что жертва застряла, дернул посильнее, я полетела прямо на него, уткнувшись лицом в заляпанный чем-то липким кожаный колет.

– Ну-ну, не торопись так, – почти ласково пробормотал он, аккуратно придерживая меня за плечи.

Удар угодил точно в цель. Даже юбки не помешали.

Колено заныло, но мужчине пришлось куда хуже. Согнувшись и хрипло застонав, он схватился за пострадавшую область обеими руками, вынужденно выпустив при этом меня.

Накинув капюшон обратно, я поспешила скрыться в переулках. Вслед неслись брань и проклятия, но соваться ради преследования чокнутой бабы под дождь бородач не стал.

Через пару кварталов я снова перешла на медленный шаг. Выплеск энергии после нападения иссяк, голову с новой силой повело, ноги подкашивались, но я упрямо брела вперед, стараясь уйти как можно дальше и от трупов в тупике, и от громилы в таверне.

В том, что меня будут искать, я не сомневалась ни секунды. Даже если меня никто там не видел, что вряд ли, наследить я успела порядочно. Кто бы ни был тот мертвец и какие бы нас ни связывали общие темы, отвечать за его странную смерть перед законом не хотелось. А кто обычно отвечает? Тот, кого поймали рядом с местом преступления.

Поэтому лучше мне к моменту, когда труп обнаружат, оказаться от него как можно дальше.

Дождь снова припустил, будто спохватившись, что не выполняет норму за год, и спеша излить все накопленное разом. Я поспешно притулилась на очередной поребрик под удачно выступающим балкончиком. Под спиной деревяннобрякнула ставня.

– Ты что тут забыла? – неожиданно гаркнули мне прямо над ухом. Я подскочила, чуть не свалившись в бурный поток нечистот, обернулась и встретила взглядом с пожилой женщиной в чепце, державшей в одной руке свечу в смешном изогнутом подсвечнике, напоминавшем лампу с джином. Судя по тонкой рубашке и небрежно накинутой поверх нее шерстяной шали, она собиралась спать. А тут я под окном. – Чуть не выплеснула прямо на тебя, дуреха.

Под беззлбное бормотание, воспользовавшись тем, что я отодвинулась в сторону и освободила оконный проем, она поставила свечу на подоконник со своей стороны и с размахом выплеснула прямо на улицу содержимое внушительного металлического ведра. Я тихо порадовалась, что женщина меня заметила вовремя. Не то быть бы мне мокрой окончательно, еще и не только от дождевой водички.

Недовольно покосившись на меня, она собиралась закрыть распахнутые ставни, но помедлила.

– Чего стоишь-то? Идти, что ли, некуда? – грубовато спросила она, но я услышала за напускной строгостью сочувствие и растерянно развела руками.

– Некуда.

– Понаедут тут из глубинки, потом ночевать негде. Не дал Пресветлый ума, так хоть везения отсыпал. Заходи давай, тут левее калитка, – она махнула рукой в нужную сторону. Я неуверенно сделала пару шагов. То, что я приняла за стену соседнего дома, оказалось густо увитой плющом решеткой с едва виднеющейся в густой листве дверкой. Через минуту та отворилась рывком, как от пинка.

– Шевелись уже, и так вся из-за тебя промокла, – пробурчала женщина, подпихивая меня в спину к распахнутой настежь двери, за которой виднелся горящий очаг и пахло пряностями и травами. Я послушно шагнула через порог и замерла, глядя, как с меня на утоптанную солому набегают лужи. Юбка, хоть и не доходила до земли, за время блужданий по переулкам успела набрать воды и теперь щедро ею делилась с окружением. С плаща все скатывалось и тоже текло в общую струю. – Проходи уже, не стой на пороге. Ноги только обтопчи, остальное высохнет к утру. Меня Клеменс зовут, хозяйка я тут. Домик маленький, но спальню мы тебе найдём...

Она осеклась, только сейчас, при свете огня, заметив, что именно на мне накинуто.

– Откуда у тебя жандармский плащ? – прищурившись, Клеменс внимательно, оценивающе оглядела меня с головы до ног. На что тут смотреть, понятно: я же не жандарм, сапог нет, да и пол не тот.

Я покосилась на чёрную ткань на своих плечах и пожала ими.

– Нашла.

Она не сводила с меня подозрительного взгляда.

– Где нашла? Такие вещи на дороге не валяются. Имей в виду, если ты замешана в какой-то темной истории, лучше сразу уходи, не накликавай на меня беду.

Темная история?

Ну, кроме того, что я понятия не имею, чей труп валялся в том тупике и как мы оба туда попали, больше никаких страшных тайн за мной не значится.

Покосившись на все еще льющий за окном дождь, – тот только разошёлся и прекращаться в ближайшее время не собирался – я отрицательно помотала головой. Клеменс еще немного побуравила меня испытующим взглядом, под которым я старательно делала честное лицо, потом махнула рукой.

– Пошли, покажу тебе комнату. Работу ищешь? – на всякий случай я кивнула. Работа она никогда не лишняя. А в комплекте с тёплой постелью и крышей над головой так и вообще вещь очень даже нужная. Если мне здесь не понравится, уйти я всегда успею, но что-то мне

подсказывает, что подобные добросердечные женщины на каждом углу не встречаются. – Это хорошо. Помощница мне не мешает.

Уборка бы дому тоже не помешала, отметила я про себя, поднимаясь вслед за хозяйкой по скрипучим деревянным ступеням. На повороте пришлось пригнуться – потолочные балки проходили низковато. Хозяйка дома вжала голову в плечи машинально, я же едва успела уклониться от прямого попадания в лоб деревяшкой.

Последняя дверь из трёх, в конце небольшого коридорчика, открылась с трудом. То ли рассохлась, то ли петли заржавели. Комнатка была маленькая и довольно захламлённая. Такое чувство, что туда сносили в течение нескольких лет все не пригодившиеся в других местах предметы интерьера. Но там была кровать под тонким тюлевым балдахином, полная разномастных подушек, и шкаф с одной дверцей, в которую было вмонтировано небольшое овальное зеркало. А с обилием столиков, пуфиков и подставочек я как-нибудь примирюсь. Главное – есть где поспать.

Я оглядела помещение, сама не до конца не понимая, что ишу.

– Что не так? – уточнила Клеменс, недовольная затянувшимся молчанием. Еще бы, мне бы скакать до потолка, что обтекающей замарашке предложили сухую постель и не на сеновале, а в нормальном тёплом доме, а я стою с непонятым выражением лица, глазами хлопаю.

Она отошла в сторону и сняла стеклянный колпак с небольшой лампы, чтобы подпалить фитиль толстой свечи внутри. С двумя огоньками стало повеселее, в углах заиграли уже не зловещие, а весьма уютные тени. – Камина нет, это тебе не гостиница, зато за стеной труба от печи. Тепло и сухо.

– Все прекрасно, спасибо вам огромное! – опомнившись, рассыпалась в благодарностях я. – Просто мне подумалось, с дороги бы руки помыть... то есть просушить.

Я подняла и растопырила для наглядности пальцы – с них тут же закапало. Плащ спасал меня по дороге, но вымокнуть я успела задолго до того, как пришла в сознание.

– А, так это запросто, – просияла хозяйка, протискиваясь мимо меня правее и деловито вытаскивая из-под кровати поднос с кувшином и разномастными мисками. Водрузив его на ближайший столик, она открыла шкаф, покопалась в нем, отыскала полотенце и какую-то невнятную тряпочку. Сверху легла безразмерная белая хламида, похожая на ту, что сейчас красовалась на хозяйке дома.

– Вот! – гордо продемонстрировала она мне сей натюрморт. – И умыться, и обтереться, и вытереться потом. Воду сейчас принесу. И вот ещё.

Спохватившись, что упустила еще одну, самую главную деталь композиции, Клеменс встала на колени и снова залезла под кровать. Когда она мне торжествующе показала добычу, – объёмный горшок с ручкой и крышкой – я почувствовала, что на меня накатывает истерическое веселье.

Не так я представляла себе удобства. Смутно понимаю, правда, как именно, но точно не так.

Сдавленно поблагодарив любезную женщину и дождавшись, пока она принесёт свежую колодезную воду в ведре, надеюсь, не приснопамятном, я не без труда закрыла за ней дверь. При помощи собственного плеча и доброго слова.

Под ногами хрустела все та же вездесущая солома. Я поворошила ее носком ботинка. Мне показалось, или кто-то в ней прошмыгнул?

Босыми ступнями тут, пожалуй, ходить не рискну.

Один из выставленных в натюрморт тазиков оказался достаточно большого размера. Разувшись и размотав размокшие в кашу портянки, я встала туда ногами и все остальные манипуляции проводила, не вылезая из него.

С юбками я разобралась достаточно быстро и, переступив, отправила в полет на ближайший стул. Точнее, башню из поставленных друг на друга сиденьями трёх стульев. Пусть сох-

нет. С верхом пришлось повозиться. Как оказалось, он зашнуровывался сзади – онемевшие от холодной воды пальцы соскальзывали, а узел набряк и отказывался развязываться. Но я справилась.

Не без доброго, опять же, сказанного сквозь зубы слова.

Нижнюю рубашку – такую же мокрую, как и все остальное, – отправила вслед за прочим ворохом одежды на импровизированную сушилку. Наскоро обтерев лицо, а затем и тело предложенной тряпочкой, я поспешно вытерлась полотенцем. К концу процедуры у меня уже зуб на зуб не попадал. Вода в кувшине оказалась не сильно далека по температуре от дождевой.

Натянув рубашку, я воспользовалась предложенными удобствами в виде горшка. Было неудобно и стыдно, будто я первый раз справляю надобности подобным образом. Прикрыв его крышкой, задвинула поглубже под кровать, словно таким образом можно сделать вид, что ничего не было.

К кровати я присматривалась с некоторой опаской. Учитывая живность на полу, почему бы ей не мигрировать и в простыни? Но, заметив металлические ведерки, в которых стояли ножки и откуда торчали сухие остовы лаванды, немного успокоилась. Сверху постель была полностью прикрыта кисеей, так что и с потолка никто не прилетит.

Забравшись в ворох подушек, я какое-то время возилась, устраивая себе гнездо, пока наконец не растянулась на спине и не уставилась в потолок.

Думать не хотелось, но надо бы.

Любезная хозяйка дома представилась мне и тактично не обратила внимания, что я не назвалась в ответ. И теперь мне предстояло срочно придумать, что именно я ей скажу поутру.

Потому что имени я своего не помнила.

Совсем.

Глава 2

Снилось мне что-то смутное, хотя вроде бы должен был сниться жених... Понятия не имею, есть он у меня или нет, но вертелась я ночью так, что чуть не упала с кровати. То ли убегала от кого, то ли догоняла.

Проснулась я, подскочив от оглушительного вопля петуха прямо под окном. В руках почему-то сжимала одну из подушек. Наверное, готовилась удушить орущего гада собственноручно. Бросив пухлое, с торчащими кое-где перьями оружие в ноги кровати, откинулась обратно и вперилась взглядом в складки кисеи.

Новых воспоминаний в голову за ночь не пришло. Казалось, моя жизнь началась в тот момент, когда я открыла глаза в вонючем тупике рядом с трупом, хотя, если рассуждать логически, быть такого не могло.

Опять же, откуда-то я знаю такие слова, как «логика» и «рассуждения». Что-то подсказывает, что мало какая простая горожанка с ними знакома. Одежда, однако, на мне не очень дорогая, скажем прямо. Я из обедневших дворян? От кого-то в бегах? Насколько хорошо мне нужно скрываться и не пора ли уезжать из города куда подальше?

Надо бы ненавязчиво поспрашивать у Клеменс, не пропадали ли какие леди в последнее время. Мало ли, а вдруг окажусь потерянной принцессой?

Хохотнув от бредовости подобной идеи, я спустила ноги с кровати и столкнулась с непредвиденной проблемой. Хотя, если подумать, проблема-то вполне ожидаемая, но вчера мне было не до заботы о гардеробе.

Обувь за ночь разохлась и налезать на ступни отказалась.

Даже не знаю, как я ее вчера снять умудрилась. Шнурки, продетые спереди в две симметрично расположенные дырочки и завязанные кокетливым бантиком, после путешествия по сточным рекам превратились в бесформенный ком, в котором с трудом можно было различить где узел, а где хвостики.

Нашупав на одном из тазиков для умывания достаточно острый край, – все же они металлические и не особо качественные – я натянула шнурок у основания и пилила его, пока тот не лопнул. Выдернуть ошмёток из прошитых толстой нитью люверсов было уже проще простого.

Без завязок ботинок налез свободно, только вот свалиться норовил при первой же возможности. Попрошу у Клеменс какой-нибудь шнурок на замену. Раз уж села женщине на шею – не будем останавливаться, хмыкнула я мысленно.

Вид у обуви стал окончательно некондиционный. Юбки – особенно верхняя, принявшая на себя основной удар стихии, – больше походили на половые тряпки. Подумав, я нацепила только две нижние. Одна из них вполне сойдёт за скромную, достаточно плотную замену почившей смертью храбрых товарки. Вторая была совсем уж тоненькая, явно бельевая. Дабы сохранить общее количество слоев, надевала я их поверх рубашки-балахона, в которой спала.

Выбора у меня особого не было: постирать я вчера одежду не успела, а натягивать пусть и сухие, но заскорузлые от грязи тряпки на голое тело было выше моих сил. Верх даже не примеряла. Каким-то чудом я его умудрилась вчера снять, но зашнуровать заново так, чтобы он не выглядел косым мешком, точно не смогу. Так что побуду в непристойном виде – все же нахожусь в пределах дома.

Вот если меня хозяйка на улицу выкинет, тогда и заберу, и надену, и зашнурую. А пока так, налегке.

В зеркало я глянула машинально, чтобы убедиться, как ужасно выгляжу со стороны... да так и застыла.

Даже подошла поближе, чтобы убедиться, что мне не мерещится. Все же стекло маленькое, мутноватое – мало ли. Нет, темноволосая загорелая девушка лет восемнадцати по-преж-

нему повторяла каждое мое движение. Внутренне я ощущала себя куда старше, взрослее, поэтому увидеть в отражении юное курносое создание с полными, покусанными от нервов губами и наивным оленьим взглядом оказалось несколько неожиданно.

Практически уткнувшись носом в стекло и периодически протирая рукавом надышанное, я с интересом изучала себя заново. На носу обнаружили задорные веснушки – темно-коричневые на золотистой коже. Серо-стальные глаза при чёрных волосах смотрелись странновато, даже немного неестественно, придавая моей внешности легкую экзотичность.

Вчера я не разглядела приютившую меня женщину. Даже интересно, у меня обычный для этой местности вид, или все же я родом откуда-то еще?

И если да, то насколько далеко моя семья? И есть ли она вообще?

Вопросы, на которые у меня опять не было ответов.

И не уверена, что хотела бы их знать: любящие и любимые дочери из хороших семей не просыпаются по ночам рядом с трупами. Значит, счастливая сказка – это не про меня. Тут скорее ужасик какой представляется. С некромантами.

А тут они бывают?

Откуда-то пришло видение окровавленных мертвецов с оскаленными, частично уцелевшими зубами. Передернувшись, я отогнала страшные мысли и, шаркая ногами как старушка, чтобы не потерять обувь, двинулась на выход.

Снизу доносились голоса, в основном моя вчерашняя знакомая громко отдавала распоряжения и покрикивала.

– Давай! Быстрей! – слышалось чаще всего.

Уже сознательно пригнувшись, уворачиваясь от низкой притолоки, я спустилась на первый этаж и поняла, что Клеменс сейчас несколько не до меня.

В просторной прихожей, плавно переходившей благодаря запахнутым сдвоенным створкам в уютный внутренний дворик, царило суетливое оживление. Туда-сюда сновали девушки в похожих на мой почивший наряд костюмах: юбки до середины лодыжки с виднеющимися дополнительными подолами, изредка игриво отороченные кружевом, корсаж со шнуровкой зигзагом на спине, а не крестом, как я ожидала, и нижняя рубашка с закрытым воротом, иногда разбавленная обёрнутым вокруг плеч тонким платком. Все нижние одежды были пастельных, натуральных оттенков бежевого и серого, в то время как верхние – контрастные, яркие. Особенно были популярны красные и оранжевые лифы в сочетании с зелёными юбками.

Наверное, так было больше похоже на те цветы, которыми они торговали.

Приютившая меня хозяйка дома, оказавшегося по совместительству еще и цветочной лавкой, умело руководила всей этой суматохой, покрикивая на особо нерасторопных барышень:

– Моник, не забудь фиалки! И макни их в ведро на полчаса перед тем, как нести на продажу: эти идиоты опять их помяли! Софи, не клади так много в одну ленту – это бутоньерка, а не веник! Кто вчера не почистил корзины?

Мечущиеся девушки на мгновение замерли, переглянулись между собой и с удвоенным рвением занялись делами. Очевидно, убрать за собой забыли все.

Не замеченная в общей суете, я спустилась с последних ступенек и прошмыгнула на кухню. На столе благоухали свежей сдобой румяные булочки, в воздухе витал горьковатый аромат свежемолотого кофе.

– Завтракай, чувствуй себя как дома. Сейчас разберусь с этими бездельницами, и мы с тобой поболтаем, – Клеменс сунула голову на кухню и снова скрылась в холле. Не так уж и незаметно я прошмыгнула. Хотя, скрываться мне не от кого.

Точнее, понятия не имею, от кого именно нужно скрываться. И нужно ли вообще.

Осмотревшись на небольшой, но уютной кухне, заставленной горшками, глиняными банками с плотно притертыми крышками и вазами с цветами всех сортов и размеров, я наугад

пооткрывала емкости, пока не наткнулась на характерный запах масла. Кажется, оливкового. Ложки нашлись в глиняном стакане посреди стола. Отмерив одну, но полную, я набрала масло в рот и принялась вдумчиво полоскать зубы. Щетки или еще чего-то, чем можно было их почистить, я в комнатке не нашла, а беспокоить по таким пустякам явно занятую хозяйку не хотелось. Потом, если я тут задержусь, разберёмся.

Пока шла пассивная чистка, я добралась до источника кофейного запаха, поставила на раскалённые угли остывающей печи небольшую, как раз на две чашки, металлическую кастрюльку на длинной ручке и закопалась в шкафы в поисках сахара.

Вот как так получается? Имени своего не помню, а запах кофе, как его варить и что молоко в нем я терпеть не могу, знаю. Воистину, неисповедимы вы, выверты человеческого подсознательного.

Пофилософствовал немного, я налила в закипающую коричневую гущу ложку мёда. Тот стоял на столе, рядом с булочками, в пузатом бочонке, из которого торчала странной формы лопаточка – круглая, с прорезанной на конце спиралью. Благодаря этой конструкции, он лился медленно и тягуче, позволив мне отмерить нужное количество, а после повернуть спираль, подсекая струю.

Руки работали самостоятельно, пока я не обращала внимания на происходящее. Но как только сконцентрировалась на своих действиях, задумавшись о том, как именно варится кофе и правильную ли я выбрала под него посуду, тут же схватилась за ручку кастрюльки голой рукой. Хорошо, хоть некрепко и только кончиками пальцев. Взясась бы основательнее – приварила кожу, а так отделалась только покраснением и парой волдырей.

Ругаясь, в основном на себя – за бестолковость, применила все еще остававшееся во рту масло по назначению: смазала ожог. Не самое лучшее средство, но в сочетании со слюной должно помочь. Убедившись, что слезать кожа не собирается, другой, целой, рукой взяла висевшую тут же, на дверце, прихватку и разлила напиток по чашкам.

На удивление ловко, кстати, хоть и левой рукой.

Вовремя.

Суэта в прихожей практически сошла на нет, и в дверном проеме появилась Клеменс, демонстративно утирающая одной рукой пот со лба, а другой прижимающая к боку громадную корзину, полную разносортных и разноцветных растений.

– Опять полно выбраковки, – пробурчала она, остервенело шваркая ее об пол. Плетенка накренилась, несколько цветков выкатились на пол, являя миру поломанные стебли и помятые соцветия. – Сколько раз говорила сборщицам: аккуратно, осторожно складывайте, их еще везти. Нет, бросают как попало, потом удивляются, что одни убытки.

Продолжая бухтеть, она присела за стол, отхлебнула из чашки и задумчиво покосилась на меня. Пожевала губами, прикидывая что-то про себя.

Я непроизвольно еще сильнее выпрямила спину, подобрав под себя ноги в распахнутых ботинках, чтобы их не было видно из-под складок ткани. Вид у меня и без того не очень – не будем усугублять производимое на потенциального работодателя впечатление.

– Ты где училась кофий варить? – строго спросила Клеменс.

– Не знаю, – пожалала я плечами и снова глотнула свою порцию. Нет, с мёдом все же не то. – Сахар бы сюда.

– Сахар! Скажешь тоже. Может, тебе еще сливок? Или суфле с королевской кухни? – фыркнула хозяйка дома, а я досадливо прикусила губу. Ну вот, снова что-то не то ляпнула. Неужели я все же из высокородных? Тогда почему в таком убогом виде? И умею готовить? Как-то одно другому противоречит.

– Ручки у тебя мозолистые и крепкие. Служанкой, что ли, была в богатом доме? – предположила в свою очередь Клеменс. Я уставилась на свои ладони. И правда, белоручкой меня никак не назвать. Мозоли, сильные пальцы, несколько старых белесых шрамов, но в то же

время – ни заусенцев, ни чёрных следов под ногтями, а сами они аккуратно подрезаны и даже, кажется, подпилены. Ухоженные, хоть и рабочие руки.

Может, и правда я прислуга у каких-то вельмож? Меня разрывало от противоречивых желаний: попасться на глаза бывшему работодателю, чтобы узнать, кто я такая, или лучше скрыться ото всех и уехать из города от греха подальше? А потом куда? И кто даст гарантию, что в деревне будет безопаснее? А главное, что я там буду делать? Доить коров и таскать сено?

Я снова посмотрела на свои руки. Мозоли довольно характерные. Как будто я не метелку от пыли в руках держала, а, скажем, сковороду. Или вилы. Что-то увесистое и длинное, во всю ладонь.

Ничего не вспоминается, хоть ты тресни.

Хотелось плакать от бессилия, но при Клеменс приходилось держаться.

Не складывается у меня картина мира. Никак.

Так что вместо ответа я неопределенно пожала плечами. Женщину я знала меньше суток и выкладывать ей о полной потере памяти не спешила. Кто знает, как ко мне в таком случае отнесутся. Вдруг сочтут убогой и не способной работать?

Чтобы заполнить паузу, утащила с блюда пирожок и вгрызлась в него, брызнув жидковатой начинкой из сладкой вишни себе на грудь. Чертыхнулась неразборчиво сквозь зубы и щедрой щепотью сыпанула из солонки на пострадавшую блузку.

– Точно служанка, – удовлетворенно кивнула Клеменс, решив, что раскусила меня. – Сбежала, поди. Хозяин домогался?

Видя, что моя история дополняется деталями без малейшего моего участия, я согласно промычала нечто нечленораздельное, доедая божественно-кисловатую вишневую начинку и примеряясь к оставшейся на блюде горке.

– Пойдём, поможешь мне в курятнике. Приготовим обед, поболтаем, там решим, что делать дальше, – пресекла мои поползновения Клеменс, накрывая булочки салфеткой и убирая в буфет. Наверное, это девочкам после работы, догадалась я. – Кстати, зовут-то тебя как?

– Эмм... – подумать-то я вчера на эту тему подумала, только в голову лезли сплошь какие-то странные имена. Не похожие ни на Клеменс, ни на Моник. Маскируя растерянность, я плотнула из остывшей чашки. Вкус кофе оказался немного иным, чем тот, который я ожидала. Не хуже и не лучше – просто другим. Наверное, из-за мёда.

Взгляд мой упал на поруганные цветы в корзине. На самом верху грустно поникла огромная белая лилия, отломавшаяся от стебля у самого соцветия.

– Лили, – выпалила я и, прокатив на языке имя, поняла, что угадала. Оно как-то отозвалось во мне... внутренним принятием и узнаванием. – Меня зовут Лили.

– Ну, идём... Лили, – небольшая пауза перед моим именем ясно дала понять, что мне не до конца поверили, но настаивать не будут.

Какой бы служанкой я ни была, но в курятниках не работала, это факт. Куриц я обходила по стеночке, с трудом ассоциируя агрессивное клюющее создание с лоснящейся ошпанной тушкой, которая мне привиделась поначалу. В суп эти оголтелые стервы просто напращивались, размахивая на меня крыльями и не давая близко подобраться к насестам. В итоге на фоне пяти яиц, извлечённых из недр соломы Клеменс, моя пустая корзина смотрелась особенно сиротливо.

Внутренних двориков в доме оказалось два. Один – каменный мешок, отгороженный от основной улицы вечно запертыми, если судить по заржавевшему замку, воротами и небольшой калиткой сбоку, другой – зелёный участок с курятником в углу шагов десять в поперечнике. Клеменс жила на окраине города, еще два квартала – и начнутся возделанные поля и фермы. Поэтому перевалочный пункт раздачи цветов организовали именно в этом здании.

Ну, и еще потому, что ее дочь была одним из основных поставщиков фиалок в Ровенсе.

Ирен удачно вышла замуж за крупного землевладельца, который с радостью принял ее фамилию. Для фермера зваться де Валье означало прежде всего частичное освобождение от налогов, за это он безропотно позволял жене выращивать цветы и отвозить их матери, хоть особого дохода лично ему это не приносило. Зато позволяло при случае гостить у тещи и попрекать ее куском хлеба.

Отец Клеменс в свое время занимал какой-то пост при дворе, за что его пожаловали дворянским титулом. То ли писарь, то ли секретарь – в общем, из наследства, кроме приставки «де» и дома на окраине города, ей не досталось больше ничего. Муж ее был из военных и сгинул в очередной бессмысленной кампании против соседей, когда она была беременна их дочерью. Ирен де Валье с детства помогала матери в саду – да-да, в том самом: крохотном пятачке, где мы с Клеменс сейчас собирали зелень в салат. Раньше именно здесь росли самые ароматные фиалки и кустистые пионы во всем Ровенсе.

От былого великолепия осталось несколько кустиков, которые женщина с гордостью продемонстрировала. Пахли они и впрямь потрясающе. Остальное переехало за город как приданое Ирен.

Теперь Клеменс не нужно было гнуть спину в саду: у дочери на ферме было достаточно наемных работников, чтобы как выращивать, так и собирать цветы на продажу в течение всего сезона. И на улице стоять, дрожа под дождем и ветром, продавать свернутые лентой букетики, тоже не нужно – этим занимаются молодые девушки, которых я видела недавно.

Пока мы в четыре руки нарезали овощи для супа, Клеменс несколько раз попыталась перевести разговор на мою персону. Откуда я, надолго ли и в каком районе жила в столице раньше. Я старательно переключала ее на другие темы – то соль просыпалась, то порезала что-то криво, то лук в глаза попал.

Сомнения, рассказывать ли Клеменс обо мне всю правду, терзали меня не на шутку, но как только я представляла себе выражение ее лица, когда она услышит про труп в переулке, все желание сознаться моментально испарялось.

Зато я с большой благодарностью приняла ее предложение остаться у нее в гостях. И с еще большей – поработать продавщицей цветов.

Сидеть у нее на шее я не хотела, а медяков в доставшемся мне кошеле было маловато. Наверное, погибший парень носил там мелочь на каждодневные нужды вроде обеда в трактире. Двадцать шесть денье как раз хватило бы от души подкрепиться два-три раза. Букетик фиалок с ленточкой стоил три денье, без нее – два.

На то, чтобы снять комнату на месяц, ушло бы три су или тридцать денье. Расставаться с последним капиталом не хотелось, а щедрая Клеменс пообещала мне не только кров и пищу, но и ежедневную оплату в размере десятой части от проданного.

Теперь понятно, почему девочки так старались, заворачивая лентами букетики. Чем больше бутоньерок уйдет покупателям, тем лучше они сами заработают. А полоски ткани продавались крупными мотками и стоили не так уж дорого, к тому же, цветочницы чаще всего приобретали их вскладчину.

Жить мне предложили в той же комнате, в которой я ночевала. Раньше там жила ее дочь, пока не переехала за город, к мужу. С тех пор та пустовала.

Мое предложение убрать с пола сено встретили с открытым недоумением. Зачем? Тогда пол мыть придется часто, чуть ли не каждый день, а прислуги в доме нет. Я этим сама буду заниматься?

Мыть пол не хотелось, но и ступать босиком по сухим острым стеблям – тоже. Да и не дело это – в уличной обуви по дому ходить. Мне, по крайней мере, так казалось, Клеменс же не видела в этом ничего особенного. Все посыпают пол соломой и ходят по ней в грязных сапогах.

Спорить с хозяйкой я не собиралась, но всерьез задумалась, как решать вопрос в будущем.

Глава 3

Выпустить меня в город в моем нынешнем скандальном виде Клеменс не решилась. Пришлось одалживать у нее корсаж и верхнюю юбку, благо иголку в руках я держать тоже умела, как оказалось.

Кто бы мог подумать... Может, я все же правда сбежавшая служанка?

Расщедрившись, хозяйка покопалась в огромном сундуке в своей комнате и выудила сразу две протертых по швам безрукавки с обработанными вручную мелкими дырочками на спинке распахнутого лифа, для шнуровки.

– Ты худенькая, тебе, если в швах убрать, как раз будет, – постановила Клеменс. Я не спорила. Несмотря на довольно приличную грудь, размера этак второго, все остальное и правда у меня было довольно тощим, поджарым, но скорее от активного образа жизни, чем от голодовки. Вместо костей рельефом прощупывались мышцы.

Кроме приталенных жилеток, мне выдали целый ворох нижних юбок и рубашек. На самом-то деле, по две-три каждой, но ткани-то сколько, ткани! Еще две юбки, малиновая и зеленая, будут составлять компанию синим безрукавкам. Мне сочетание не нравилось, но, пока дают, нужно брать. Привередничать потом буду, когда первые денье заработаю.

Собрав в охапку одежду, я отнесла ее в свою новую комнату. Туда же вслед за мной просочилась Клеменс, неся мотки ниток и иголки в шелковой подушечке на подставке. Теми, что похожи на гвоздики, без ушка, предполагалось закалывать ткань по фигуре, в другие – вдевать нить и, собственно, шить. Размер и разнообразие колющих изделий поражали. Тут не было только сапожного шила, и то, потому что нам с Клеменс не хватило бы сил дырять им толстую кожу. Остальное было в наличии, всех форм и размеров – прямые, изогнутые, тупые и острые, для разных сортов ткани.

В выборе нити и иглы я положились на хозяйку. Пусть руки помнили, какой стороной держать иглу, но больше знаний к этому не приложилось.

– Швейей ты не была, – постановила Клеменс, глядя, как я неуверенно распарываю боковой шов специальным крохотным изогнутым ножичком. Если бы не она, я бы долго гадала, для чего мне эта загогулина. Я в знак согласия отрицательно помотала головой. Нет, на такую кропотливую тонкую работу ежедневно, по несколько часов кряду, у меня бы точно не хватило терпения.

Похоже, хозяйке доставляло удовольствие играть в угадайку. Она поняла, что я недоговариваю, но списала это то ли на скрытность, то ли недоверие к ней, однако не обиделась, а принялась предлагать свои варианты моего профессионального приложения, внимательно вглядываясь в мое лицо и ища подтверждение своим догадкам. Пару раз Клеменс ничтоже сумняшеся намекнула даже на веселый дом, но я посмотрела на нее в ответ так, что она быстро сделала вид, что ничего такого не говорила.

Сказать по правде, я понятия не имела, обслуживала ли я этим телом клиентов. Но вроде бы по внутренним ощущениям мужчин у меня еще не было. Хотя я прекрасно знала откуда-то, что с ними делать и как. Думать о себе ужасы не хотелось, поэтому я про себя решила, что невинна и точка. Но вопрос, кто же я все-таки, оставался открытым.

Не швея, не птичница и точно не горничная, потому что шнуровки, особенно на спине, меня выбешивали до невозможности. Утро начиналось с суматохи – мы с Клеменс попеременно затягивали друг другу корсажи. Раньше ей помогали приходившие раньше всех девочки: либо Моник, либо Софи. А до того они с дочерью шнуровали друг друга.

– Это же страшно неудобно! – посетовала я в сердцах. – Почему не спереди?

– Некрасиво же! – в ужасе от подобного святотатства воскликнула Клеменс. – Впереди шнуруют только совсем бедные и одинокие, которым даже помочь некому.

Эдакий показатель статуса. Понятно. У тех, кто побогаче – горничные, у остальных – дочери или помощницы. Да хоть бы муж.

Один комплект из жилетки и зеленой юбки я сшила по классическому образцу под чутким руководством Клеменс. За день или два я не управилась, застряла в помещении на целую неделю. То шов шёл криво, то стежки оказывались слишком широкими, то садилось не по фигуре и приходилось размечать выкройку булавками заново.

Зато у меня было время немного вникнуть в происходящее вокруг, познакомиться с входящими работницами и освоиться с длиннющими юбками, которые почему-то все время неловко путались в ногах, будто я в жизни их не носила.

То, что работа у цветочниц тяжелая и неблагоприятная, я поняла сразу, в первый же день.

Если посчитать чисто математически – полноценный обед в таверне стоил от пяти до десяти денье. От продажи десяти бутоньерок они получали на руки три денье. Только вот покупали цветы не очень охотно, особенно на улице. Почти все горожане выращивали самые необходимые травы на подоконниках и задних дворах, про богатых и говорить нечего, у них садовники. А цветочки, пусть даже и замечательно пахнущие, – все же роскошь, а не необходимость. Так что редко кому удавалось за день продать всю корзину, где умещалось около двадцати букетиков.

Соответственно, проведя весь день на ногах в любую погоду, они при хорошем стечении обстоятельств получали возможность один раз поесть. Понятно теперь, почему Клеменс их подкармливает: бедняжкам ведь и жить где-то надо, и еду покупать, а многие еще и семью содержали.

У Моник беспробудно пил отец, так что ее малолетние брат и сестра рассчитывали только на нее. И то, приходилось прятать хорошенько все деньги и еду, что девушка приносила в дом.

Софи кормила своих собственных детей и мать. Муж ее ушёл зарабатывать титул и деньги в жандармерию и совершенно глупым образом там сгинул в какой-то ночной облаве. Неудачно получил по голове бутылкой, оставив двоих малолетних погодок и супругу, едва справившую двадцатилетие, одних. Хорошо, мать Софи была еще жива и присматривала за внуками, пока дочь зарабатывала им на хлеб.

Розетта жила одна, так что позволяла себе иногда и модную кокетливую ленту на шею, и заколку в волосы. Впрочем, жадиной и задавакой она не была, и щедро разрешала подругам одалживать у нее украшения на праздники.

Вообще, работницы у Клеменс подобрались порядочные, дружелюбные и добрые.

Первые два дня, пока мои будущие одежды лежали в разобранном виде, ожидая перешивки и подгонки, я помогала девушкам сворачивать букеты. Оказалось, у меня довольно ловкие пальцы, которые умеют не только шить, но и вязать замысловатые банты. Цветочницы радостно подсовывали мне наперебой цветы, утверждая, что у меня легкая рука. Оказалось, в первый день, когда я на пробу экзотично навязала несколько бутоньерок, они продались моментально.

Люди падки на необычное.

Поэтому теперь девушки просили меня научить их вязать сложные банты, а пока у них не очень получалось, укладывали мне на колени аккуратные кучки с заготовленными ленточками.

Так постепенно я вливалась в их дружный коллектив, вникала в жизненные перипетии и от души сочувствовала. Мне в душу никто не лез, за что я им была отдельно благодарна.

И вот наконец настал торжественный день, когда я вместе с остальными переступила порог скрипучей калитки и вышла в город.

Поджилки у меня порядком тряслись. Память о подворотне и трупе рядом была еще свежа, и натолкнуться на кого-то, кто меня узнает, я опасалась. Поэтому маскировалась как могла.

Темные волосы скрыл чепец. Старомодная бесформенная штука, которую Клеменс откопала на самом дне сундука, пришлась очень кстати. Среди бедноты подобный головной убор был не редкостью – сложные прически и украшения в них отнимали время и деньги, и позволить себе непокрытую голову могли немногие горожанки с окраин. Кроме Розетты, все остальные девушки щеголяли в похожих чепцах, разница была только в отделке и материале. Мне выделяться не хотелось, поэтому свой я так и оставила простым сероватым чехлом.

Внешность моя не была особой редкостью, особенно на юге. Из-за постоянных стычек на границах и следующих за ними грабежей и прочего, генофонд двух наций, Морингии и Бискайи, постепенно смешался, так что среди розовощеких шатенов и блондинов то и дело мелькали темноволосые и смуглые южане.

Мы с девушками уже привычно завернули по паре десятков свежих букетиков. Почему-то в основном Клеменс привозили фиалки, хотя иногда попадались и хризантемы, и гиацинты, и лилии, и даже сирень. Но на улицах подобные букеты шли плохо, как мне объяснили, дорого-вато для спонтанной покупки. Поэтому их Клеменс чаще всего разносила сама в лавки, с которыми у нее были договоренности. Сильно пахнущие цветы помогали заглушить вонь, доносящуюся с улицы, а зачастую и царящую в самом помещении. Как я успела понять, по местным меркам у моей хозяйки царила практически идеальная чистота. Сено на полу было довольно свежим и менялось каждый месяц, в то время как у других оно зачастую гнило годами, только сверху насыпали новые и новые слои.

Лаванда шла отдельной категорией, как и полынь с вербеной. Их Клеменс развешивала вдоль крыши на заднем дворе на просушку. Для этих целей в выступающую доску были вбиты гвоздики на небольшом расстоянии друг от друга, и пучки трав, как односортных, так и смешанных в разных пропорциях, щедро распространяли аромат, постепенно превращаясь в сухостой. Позже их ставили в вазы или набивали специальные мешочки и клали в постель, чтобы отпугнуть живность.

То, что шевелилось в соломе, оказалось вездесущими тараканами. К сожалению, эту напасть простой травой не взять, поэтому я поклялась от сена в доме – или хотя бы в своей комнате – избавиться. Придумать бы только сначала, чем его заменить.

Роз почему-то не привозили вообще, хотя в моем представлении это был первый цветок для продажи. Когда я поинтересовалась на этот счет у Клеменс, она вытаращилась на меня в священном ужасе.

– Это же только для высшего дворянства! Простым людям их разводить и тем более продавать категорически запрещено!

Учитывая, что сама Клеменс была хоть и скромного, но дворянского звания, напрашивался вывод, что розы – исключительная привилегия королевского дворца. Даже на монетах изображалась именно роза в стилизованном виде.

Что ж, я приняла в копилку очередной факт окружающего мира, хоть он меня и царапнул неким несоответствием.

Сегодня моя корзина наполовину благоухала фиалками, другую половину заняли скромные, почти не пахнущие анютины глазки. Они тоже неплохо продавались, благодаря яркой расцветке, и стоили недорого. Люди здесь, как я заметила, очень любили яркие, броские цвета как в одежде, так и в быту.

Повесив плетенку на локоть за длинную ручку, как остальные девушки, я последовала за стайкой щебечущих цветочниц к городскому центру. Шли мы не торопясь, работая на публику. Именно за время нашего торжественного прохода распродалось зачастую больше всего цветов. Девушки благосклонно, но ни в коем случае не зазывно, улыбались покупателям.

Мне стоило большого труда уловить эту разницу, потому что Клеменс настаивала на важности нюанса. Вроде мы не девушки лёгкого поведения и не увлекаем мужчин, поэтому

улыбка должна быть едва уловимой, скромной, с потупленными глазками, но никаких покрасневших щёк, ни в коем случае! И не щериться во все зубы, как она выражалась.

Здесь с гигиеной рта было не очень. Мне повезло, или я раньше хорошо следила за зубами и все они были на месте, а вот Клеменс, как и девочки, не досчитывалась пары-тройки на самом видном участке верхней челюсти. Оттого и полноценная улыбка считалась неприличной – таким образом я демонстрировала свое превосходство, потому что услуги магов-целителей стоили непоправимо дорого, а у кузнецов лекарство было одно на все случаи – выдрать. Зачастую несколько. На всякий случай, с запасом.

Стиснув губы поплотнее, я старательно улыбалась прохожим. Получалось не очень, от меня отчетливо шарахались, хотя у остальных цветочниц за наши полчаса прогулки уже купили по два-три букетика.

Я не отчаивалась: сегодня выходной, центральная площадь будет полна народу – кто-нибудь и у меня купит.

Пользуясь случаем, я глазела по сторонам. Единственный раз, отложившийся в памяти, когда я ходила по этим улицам, с неба хлестал дождь и темнота была хоть глаз выколи, несмотря на все фонари. Сейчас же ярко светило солнце, и город предстал с совершенно другой стороны.

Никаких потоков нечистот в канавах. Попахивало, конечно, несмотря на корзину фиалок в моих руках, далеко не цветочками, но откровенной грязи видно не было. Изредка, правда, из окна раздавался вопль:

– Поберегись! – и прохожие резво разбежались в стороны, после чего из горшка щедро выплескивалось содержимое. Но брусчатка была уложена с такими зазорами, что все вылитое стыдливо скрывалось в расщелинах и не мозолило глаза. А со следующим дождем будет вымыто водой и стечёт по канавам куда-то за пределы города.

Горожане были одеты как на праздник. Выходной все же. Женщины выгуливали шляпки и супругов, холостые мужчины подмигивали цветочницам и покупали пару букетиков, прося в довесок целомудренный поцелуй в щечку. Эдакий незамысловатый флирт.

Девушки хихикали, краснели и стреляли глазками, вопреки всем предостережениям Клеменс.

Площадь еще только заполнялась гуляющими. Огромный фонтан рассыпался струями в самой середине мощеной брусчаткой окружности, рядом с ним на широком мраморном бордюре сидели воркующие парочки и почтенные матроны, наблюдавшие за носившимися за голубями детишками.

С одной из сторон к Фальгаррской площади примыкал дворцовый парк. Он уже давно отделился от основной королевской резиденции, став местом отдыха горожан. Да и сам король переехал в новый дворец, побольше и пороскошнее, оставив в старом здании только службы вроде налоговой и залы для заседания министров и совещаний.

Некоторые праздники тоже все еще проводились в старом помещении, например ежегодные балы и другие массовые увеселительные мероприятия для высшей столичной знати.

Солейль, новое место жительства короля и его обширного двора, находилось за городом. Вокруг него разбили прекрасный парк, еще краше того, аллеи которого уходили вглубь зелени от Фальгаррской площади. По официальной версии, король захотел стать ближе к простым людям, потому переехал за пределы столицы, в деревню. Только вот злые языки утверждали, что во время постройки новой территории, длившейся ни много ни мало десять лет, были использованы самые роскошные материалы и наняты самые известные архитекторы. Так что о простоте не могло идти и речи.

Держась за спинами остальных цветочниц, я украдкой подглядывала на горожан.

Видно было, что живущие здесь люди зарабатывают больше, чем на окраине. Ткань на одежде казалась дороже, кроме того, то тут, то там ее украшала вышивка стеклярусом, золотыми и серебряными нитями и кружевом, да и крой был явно сложнее куска полотна, что

заменяло мне юбку. Вместо комплектов с жилетками дамы одевались в платья, а прически были настолько сложны, что чудом не рассыпались под порывами лёгкого летнего ветерка. Возможно, именно поэтому в них втыкали столько шпилек с фигурными навершиями – не только для красоты, но и для функциональности.

Солнце только показалось из-за домов – до полудня еще несколько часов, зато самых продуктивных. Позже гуляющие разбредутся по тавернам и домам, обедать. Мы в этот момент, подменяя друг друга, сможем перехватить по захваченному из дома куску хлеба с сыром, чтобы не отвращать покупателей бурчанием голодного живота. И еще пару часов постоим на площади, возможно, пройдемся парами-тройками по близлежащим улицам. В это время влюблённые парочки выходят прогуляться в сопровождении дуэний, и многие молодые люди покупают дамам сердца цветы.

В одиночку Клеменс нам ходить категорически запрещала. И вскоре я поняла почему.

Полдень быстро приближался, люди постепенно разбредались кто куда. Некоторые присели на террасах здесь же, на площади, но далеко не всем гуляющим это было по карману. Большинство вернулось домой, сочтя мотион на сегодня выполненным.

Таверны и кабаки распахнули свои двери первым посетителям. Мы с девушками, не сговариваясь, проходя мимо, прибавляли шагу, чтобы не соблазняться ароматами свежезажаренного мяса и тушеных овощей. Изредка то одна из нас, то другая скрывалась в переулке, наскоро перекусывая незамысловатым полдником. Есть при всех, на ходу, считалось неприличным, так что приходилось укрываться от посторонних взглядов.

Когда Софи задержалась, я по неопытности не придала этому значения. Моник, на правах старшей над нами – кто-то же должен делиться с остальными премудростями жизни, пока Клеменс рядом нет, – послала меня проверить, как она там.

И не зря.

Стоило мне свернуть в узкий тупичок, куда десятью минутами ранее отлучилась цветочница, моим глазам открылась весьма неприглядная картина.

Трое плечистых мужчин в плащах и в высоких сапогах из дорогой кожи зажали несчастную девушку в углу. Деваться ей было некуда – в какую сторону бы она ни сунулась, ее ждали жадные руки.

Софи вжалась всем телом в стену, вытирая не особо чистую кладку новеньким подолом юбки. Она только утром хвасталась, что нашла очень качественную ткань по дешевке из-за пары дырочек в рулоне. Из повреждённых мест она выкроила костюмчики и платья детям, а из оставшегося получилось аж по две юбки ей и матери. Из лоскутков бабушка собиралась делать детям покрывало на кровать.

Корзина валялась неподалёку, опрокинутая набок. Фиалки, которые мы с таким тщанием увязывали бантами пару часов назад, рассыпались в уличной грязи, некоторые уже успели затоптать сапогами троица молодчиков.

Значит, дохода у бедняжки Софи сегодня не будет.

Это меня почему-то выбесило больше всего.

– Оплатите ущерб, месье, – негромко потребовала я. Тот, что практически распластал Софи по каменной кладке, безо всякого стыда лапая ее за виднеющуюся в корсаже грудь, обернулся, но отстраниться и не подумал.

Глава 4

Внешностью нападающий напоминал ангела... Ну, в моем представлении. Кажется, это что-то из религии, хотя до этой темы мы с Клеменс еще не дошли. Слово, при взгляде на парня первым возникшее в сознании, было «херувим». Золотистые вьющиеся локоны спиралями спускались на плечи, а широко распахнутые невинные голубые глаза отрицали у него наличие каких-либо грехов.

Смущения во взгляде потенциального насильника не было. Наоборот, там жила искренняя радость от встречи со мной.

– О, подружка! Ребята, вам повезло! – обратился он к остальным. Те ослабились, обнажив качественную работу целителей. Все зубы были на месте и сверкали здоровьем. Я оценила.

Пожалуй, сейчас самое время для тактического отступления и вызова поддержки.

Только вот стоило мне набрать побольше воздуха в легкие, готовясь к сигнальному воплю, как молниеносно подскочивший второй мужчина зажал мне рот широкой ладонью и притиснул к себе, гася сопротивление.

Судя по запаху, он недавно ел густо смазанное чесноком мясо. У меня аж в глазах зашипало.

– Не плачь, цыпочка. Мы не обидим. И, как ты сама предложила, компенсируем, – «ангел» небрежно кинул в отброшенную мною во время борьбы в сторону корзину несколько серебристых монеток. Кажется, су, а не денье. Наш заработок за два-три дня. Щедро.

Софи уставилась на меня расширенными от ужаса глазами. Бедняжка растерялась, не зная, что делать; от шока у нее, похоже, перехватило горло, потому что она даже не пыталась кричать.

Я хотела гордо объяснить, что не плачу, а негодую, но рука на моем лице перекрыла не только голос, но и кислород. Брыкнувшись, чтобы хоть чуть-чуть освободиться, я очень удачно попала по лодыжке державшего меня мужчины. Внешностью он на ангела не походил совершенно, скорее на южанина: темноволосый, кареглазый, со смуглой кожей. На кисти белели многочисленные порезы – видно, не раз хватался за оружие голыми руками.

Он зашипел от боли, но не выпустил меня, а наоборот, сдавил сильнее. Я почувствовала, что задыхаюсь.

Дальше тело действовало само по себе. Мозг мой практически отключился от недостатка кислорода, и я наблюдала происходящее будто со стороны.

Изо всех сил оттолкнувшись от земли ногами, я угодила макушкой удерживающему меня южанину четко в подбородок. Тот бессвязно заорал от боли – похоже, прикусил язык. Поджав ноги к животу, я впечатала тяжелую деревянную подошву починенной обуви точно в солнечное сплетение стоявшему напротив «ангелочку».

Третий, светлокожий зеленоглазый шатен, пока что держался в стороне, не спеша нападать ни на меня, ни на Софи. Я уж было решила, что обошлось, и бросилась к остолбеневшей цветочнице. Плевать на россыпь цветов из обеих корзин – нам бы ноги унести. Но утащить девушку за руку из тупика не успела.

С трудом выпрямившийся ангелоподобный выщерился на меня и сделал какое-то странное движение пальцами. Меня перехватили невидимые веревки, спеленали по всему телу и подвесили в воздухе.

– Вот теперь я с тобой, сучка, разберусь как следует. Ты хоть понимаешь, тварь, на кого замахнулась? – шипя, как потревоженная кобра, он навис надо мной всей массой, упиваясь властью над беззащитной жертвой. Я судорожно дёргалась в путах, но невидимые петли держали крепко.

– Отпустите ее, мсье, она новенькая, не хотела ничего дурного! – заверещала рядом со мной Софи, внезапно обретя голос. Херувим даже бровью в ее сторону не повёл, сосредоточив все внимание на мне. В его руке блеснул кинжал.

Он меня вот так вот запросто порезать собирается? Среди бела дня?.. А может, и убить, судя по его настрою. Озверевшее лицо, потерявшее всю ангельскую привлекательность в приступе ярости, маячило прямо передо мной, и, поскольку голова у меня была свободна от пут, я сделала то единственное, что могла.

Со всего размаху врезала собственным лбом в лицо херувиму и со злорадным удовлетворением отметила, как хрустнул, ломаясь, под моим ударом его нос.

Заверещали мы с ним на пару. Не знаю даже, кто громче. Я лично старалась изо всех сил: погибать во цвете лет мне категорически не хотелось. Рано мне еще на тот свет, я только жить начала!

Можно сказать, неделю как!

– Что здесь происходит? – раздался громовой голос над побоищем. Я едва удержалась на ногах, ухватившись за Софи и безуспешно пытаюсь отдышаться. Неведомая сила, сковавшая тело, исчезла.

Судя по блеску алебард и алым перевязям под плащами, к нам подоспела жандармерия. Как всегда, вовремя. В последний момент.

Спасибо, хоть вообще появились.

Арестовали нас всех. Связывать не стали, хотя нападавшие мужчины, особенно дважды обиженный мною херувим, на том сильно настаивали. Где логика, спрашивается: агрессоры они, а задерживать предполагалось только нас. Хорошо, что жандармы поступили по совести и забрали всех. Хотя нас могли бы и отпустить – мы, вообще-то, пострадавшие.

Повезло, что Софи жандармам оказалась знакома. Ее почивший муж начинал новобранцем вместе с начальником отряда, поэтому отнеслись к нам со всем возможным уважением.

Но в участок проводили все равно.

Мы с Софи шли в середине, с каждой стороны нас сопровождало по трое жандармов. Впереди гордо шествовали маги, будто это они нас всех поймали и ведут в участок. Глава отряда замыкал небольшое шествие. Редкие прохожие оборачивались и с любопытством смотрели нам вслед, стайка детей и пара собак даже увязались следом, добавляя колорита происходящему. Я чувствовала себя клоуном в цирке, только вот смешно мне не было. Было страшно.

Располагалась жандармерия неподалёку. В каждом районе имелся небольшое отделение, нам повезло попасть в самое многолюдное и крупное – центральное. Всех задержанных с почётом провели по просторному холлу, полному высоких мускулистых мужчин в однотипных кожаных колетах с алыми перевязями. Я засмотрелась, но не потому, что увлеклась их брутальной красотой. Очень уж их форма напоминала мне одежду трупа, рядом с которым я очнулась. В темноте цвета было не разглядеть, но шелковистую полосу мокрой ткани поперёк его живота я помню.

Получается, тот тоже был жандармом. Да и Клеменс упоминала принадлежность плаща, просто я тогда не сильно осознавала происходящее. А сейчас вот вспомнилось.

Прикусив губу, я завертела головой, пытаюсь высмотреть доску разыскиваемых преступников и убедиться, что мой портрет не висит там на самом почетном месте. Ничего подобного не нашла, да и на меня никто внимания не обратил.

Возможно, это всего лишь случайность? Молодой жандарм зашёл вслед за девушкой в переулочек и умер рядом с ней.

Конечно. Чистой воды совпадение.

Жандармы готовились к смене караула, собирались группами и, горласто смеясь, беззаботно переговаривались. Кто-то поправлял форму, несколько групп, как наши, разбирались с преступниками прямо там, в общем зале, за длинным столом проводя допрос с пристрастием.

Приглядываться я не стала, отвернулась сразу. Не люблю вид разбитых лиц, по крайней мере, если лично мне они ничего не сделали.

Нам ничего подписывать или заполнять не предложили, сразу проводив в подвал. Я почувствовала некоторое облегчение – раз не принялись избивать и допрашивать, значит, не все так плохо.

Забранные частыми решетками камеры в основном пустовали, так что нас разместили с комфортом. Меня и Софи заперли в одной, мужчин – в другой, напротив. Глухо лязгнули замки, отгораживая от мира. Жандармы развернулись и, не говоря ни слова, ушли.

– Эй, а защитника? А сообщить кому-нибудь о нашем задержании? – крикнула я им вслед, но ответом мне стал глухой звук захлопнувшейся двери. Щелкнула, отодвигаясь, ставня на окошечке, то есть без наблюдения нас не оставили. Но больше никакой реакции на мои вопли. Что ж, не буду тратить силы впустую.

Я отошла от решетки и огляделась. На полу лежали мешки, набитые соломой. На них я не рискнула бы даже присесть, не то что спать. В дальнем углу стоял глиняный выщербленный горшок, неплотно прикрытый побитой крышкой. Заглядывать я не стала, понадеялась только, что он хотя бы опорожнен, потому что мыт был вряд ли, судя по запаху. А еще хорошо бы, чтобы нас выпустили поскорее – ширмы или другой загородки не предусматривалось, а присаживаться под пристальными взглядами троих мужчин, должно быть, то еще удовольствие.

– Можешь горло не драть. Пока они сами не решат нас выпустить, никто не придет, – хмуро буркнул херувим, потрогал свой нос и скривился. – Мерд! И магию заблокировали.

– Терпи, неженка, – фыркнул менее пострадавший брютет. Ему хорошо говорить, у него хоть ничего не сломано. Проговаривал слова он, правда, довольно невнятно – язык, наверное, распух.

Но жалеть их обоих я не собиралась: прилетело им за дело.

– Что же теперь будет?! – всхлинула Софи. Я обернулась к ней – в глазах бедняжки стояли слезы. Она бессильно сползла по влажной стене, не обращая внимания на окончательно испорченное платье, и, обхватив себя за плечи, принялась раскачиваться из стороны в сторону, как в трансе.

– Думаю, они скоро разберутся, что произошла ошибка, и нас выпустят, – с бодростью и оптимизмом, которых на самом деле не чувствовала, заявила я. Подумав, присела рядом с ней на корточки и приобняла за плечи, притягивая к себе. Пол все же холодный, а подруге сейчас нужна поддержка.

– Мама будет волноваться. А детям сегодня нечего есть вечером, я обещала принести, – забормотала девушка, сжавшись в комок и закопавшись мне под мышку. Ее начинало знобить – то ли от нервов, то ли от холода подземелья. В камерах было промозгло и сыро – пробирало до костей, несмотря на слои ткани.

– Не переживай, к вечеру точно будешь дома, – подбодрила ее я, клацая зубами.

– Я бы предложил плащ, но боюсь, не доброшу, – холодно предложил брютет. Из всей троицы он производил наиболее благоприятное впечатление. Сам к Софи не приставал, ко мне полез, помогая подельнику, да и то, обращался достаточно осторожно. Мог бы и шею сразу свернуть, хотя с трупом, конечно, не позабавишься... И сопротивления почти не оказывал, и бить не пытался в ответ.

Иллюзий по поводу благородства местных мужчин я не питала. Мы с Софи – добыча легкая, искать или защищать нас некому. Что может та Клеменс? Разве что на могилки нам цветочки поднести. Не факт, что в больнице после всего помогли бы. Уровень медицины мне еще только предстояло оценить, но, глядя на уход за зубами, напрашивался вывод, что остальное тоже не очень.

Попользовались бы втроём и бросили умирать в переулке. Учитывая, что мы – расходный материал, его предложение просто верх галантности. Так что на общем фоне брюнет казался вполне приличным человеком.

– Благодарю, не стоит утруждаться, – ответила я вполне миролюбиво.

Брови его взметнулись вверх – видимо, не ожидал куртуазности от цветочницы. А у меня ноги сами собой дернулись, чтобы еще и в книксене присесть, еле удержалась – на корточках неудобно получится.

Память тела не подводит.

Первым все же не выдержал тот самый блондин, который предлагал мне не орать.

– Вы нас долго собираетесь тут держать? Я из-за вас обед пропустил! – рявкнул он во все горло – я аж подскочила от неожиданности.

Ноги слушались плохо, продрогла я вся, не помогало даже то, что мы жались с Софи друг к другу, как два птенца в гнезде. Брезгливость свою по отношению к мешкам я давно преодолела: не до нее, когда вот-вот околеешь от холода. Так что мы часть подложили под себя, а два прислонили к стене, образовав подобие дивана. Но сено внутри оказалось подгнившим и тоже влажным, так что помог манёвр мало.

То ли к блондину все же питали некое уважение, то ли к нам все равно собирались заглянуть, но дверь заскрежетала и распахнулась, явив жандарма в полном вооружении. Он настороженно косился на мужчин, явно неловко себя чувствуя от того, что их приходится держать в заточении.

– Приношу свои извинения за доставленные неудобства, господа маги, – кивнул он. – К сожалению, ситуация неоднозначная и просто отпустить мы вас не можем.

– А нас? – я все же встала и подошла к решетке, но на меня даже мимолетного взгляда не бросили. Все внимание жандарма занимали мужчины, будто нас в соседней камере и не было вовсе.

– Мы уже уведомили мсье де Бельгарда. Он скоро прибудет и сам решит, как поступить, – уважительно, но без подобострастия отчитался стражник и вернулся за дверь, не забыв ее тщательно запереть.

Блондин раздраженно саданул кулаком по решетке, отчего та даже не дрогнула, а он сам поморщился. По перекладинам пробежал едва заметной змейкой золотистый разряд.

– Мы точно пропали, – прошелестела Софи, и снова начала всхлипывать. – Они же маги! Да еще и ученики самого де Бельгарда! Нас четвертуют или колесуют за то, что подняли на них руку.

– Скорее отрубят голову, – злорадно дополнил список неприятных казней зловердный блондин. Брюнет покосился на него неодобрительно, но ничего не сказал.

– Ну, ты, положим, ничего на них не поднимала. Даже глаз, – степенно заметила я, неодобрительно зыркнув на херувима. Он ослабилась и с оттягом провёл большим пальцем по горлу, изображая мою предполагаемую незавидную участь. Красноречиво закатив глаза, я отвернулась от клоуна и услышала в камере сдавленный смешки, а следом ойканье. Брюнет, вопреки ситуации, нравился мне все больше. Кажется, он как-то зависит от блондина и вынужден ему подчиняться, иначе не вёл бы себя как свинья.

– А по поводу меня не переживай, у меня смягчающие обстоятельства. На кону стояла наша с тобой честь, что мне нужно было делать? Молча раздвинуть ноги?

– Вообще-то да, – подняла на меня красные от слез, злые глаза Софи. Я опешила. Вот тебе и благодарность за спасение. – Нужно было делать, что велят мессеры маги. Денег бы дали, не обидели. А теперь нас точно казня-а-ат! – и она с воем снова уткнулась в натянутую на коленях юбку.

Я аккуратно убрала руку, которой все еще обнимала ее за плечи.

Так вот и выясняется, что помогать людям, когда об этом не просят, себе же дороже.

Теперь фыркал уже херувим, но ему, к сожалению, подзатыльник выдать было некому.

Спустя еще два часа, когда я начала уже с тоской поглядывать в сторону глиняной посуды и примеряться, как именно растопыриться, чтобы не обнажить все подряд, дверь в подземелье снова закрипела.

– На выход! – скомандовал жандарм, отпирая решетку троиче. Ему прикосновение к ней не причиняло вреда.

– А мы? – я встала, с трудом переставляя негнущиеся ноги, и проковыляла поближе к решетке нашей камеры, которую никто не позаботился отпереть.

– За вами двумя сейчас вернусь, – бросил стражник, не глядя в мою сторону, и распахнул створку пошире, будто он швейцар при входе в элитный ресторан, а не охранник в тюрьме, выпускающий заключённых. Херувим выплыл с торжествующим видом, разве что язык не показал. Одурил мальчик от вседозволенности, похоже. Лет ему с виду не так чтобы много, вот и наслаждается властью, от большого ума.

В отсутствие мужчин мы с Софи быстро решили свои вопросы, старательно глядя в противоположные стороны. Я вообще старалась к ней не подходить, решив про себя, что обязательно поговорю с Клеменс по поводу всей этой истории.

Меня заинтересовали мои права. Как женщины, как жительницы столицы и как человека. Раньше я как-то не задумывалась над такой насущной проблемой – просто потому, что не сталкивалась с трудностями, сидя под боком у доброй хозяйки.

И в первый же выход в люди угодила в неприятности по незнанию.

Нас провожали далеко не так уважительно, как мужчин. Стражник покрикивал, понукая нас прибавить ходу на лестнице, хотя юбки отчаянно путались в ногах и несколько раз я чуть не упала. Отчасти виноват в этом был некстати полученный тычок в спину деревянной частью алебарды.

Даже без разговора с Клеменс мне потихоньку становилось ясно, что прав у меня немного. Запоздалый страх пробирался в душу, свиваясь ядовитым клубком и нашептывая пораженческие мысли.

А вдруг и правда отправят на казнь или в тюрьму за то, что подняла руку на высшее существо? Я же понятия не имею о законах. Хотя, если бы все было так однозначно, нас бы не арестовали всех вместе.

Пока я мучилась сомнениями, мы пришли. На втором этаже жандармерии располагался просторный зал для общих собраний и заседаний. За стоявшим на небольшом возвышении столом восседал молодой мужчина в длинном, из дорогой ткани с богатым золотым шитьем темно-вишневом плаще. Его каштановые волосы были собраны в небрежный хвост, а ноги в высоких сапогах, видные под столом, притоптывали в нетерпении.

– Это они? – уточнил он у подобострастно склонившегося к нему пузатого усача. Судя по щедро расшитому колету из тонко выделанной кожи и властной ауре, это был начальник участка. Вместо него, впрочем, ответил херувим, совершенно по-детски показав на меня пальцем.

– Вот она, – и даже нижнюю губу обиженно выпятил.

Глава 5

Я укоризненно покосилась на указующий перст – его, интересно, не учили, что это неприлично? – и перевела взгляд на самого де Бельгарда. Тот в свою очередь с любопытством изучал меня, и тут до мозга с запозданием дошло, что Софи уже с минуту как присела в неудобном даже с виду реверансе, почти до пола... И того же ждут от второй девушки в помещении. То есть от меня.

Я поспешно согнула колени, придерживая кончиками пальцев юбки, и уставилась в пол. Вышло как-то само собой и вроде вполне достойно. Никто не засмеялся, по крайней мере.

Кроме нас, пятерых виновников происшествия, главы участка и де Бельгарда, в зале у стен переминались жандармы. Минимум десяток. Они думают, мы сейчас с Софи нападём на кого-нибудь и запинаем насмерть? Или зрелищ не хватает и хочется посмотреть, как наглых девиц, посмевших отказать в утехах магам, прямо тут казнить будут?

При этой мысли я передернула плечами. Напивавшаяся в подземелье влагой ткань неприятно липла к телу, а в носу уже начинало хлюпать. Если со мной не разделяются тут же, все равно придется полежать с простудой.

Маг за столом неопределенно помахал в воздухе пальцами, разрешая нам всем выпрямиться. Оказывается, троица тоже оказывала ему почтение дружным низким поклоном. Только сейчас я заметила, что одежда их чем-то схожа. Вышивка, темная ткань, характерный узор по краю – все для того, чтобы особо важных персон можно было отличить издалека и оказать им всяческое уважение. Только вот я этого не помнила, вот и вмешалась на свою голову.

Хотя, даже знай я, кто они, все равно заступилась бы за Софи. И за любую другую бедняжку, оказавшуюся в подобной ситуации. Занимаемый высокий пост совершенно не повод вести себя по-свински.

– Я слушаю, – веско уронил маг и уставился тяжёлым взглядом на блондина, безошибочно определив зачинщика всего.

– Я предлагал деньги. А она изображала недотрогу, – херувим снова ткнул пальцем, теперь в Софи, но, поскольку я стояла между ними, получилось, что опять в меня. Я на всякий случай сделала шаг назад, чтобы не плодить непонимание. Уголок рта де Бельгарда дернулся, будто он пытался подавить улыбку, но взгляд, направленный на блондина, суровости не утратил. – Потом вмешалась эта.

Палец, как стрелка качественного компаса, снова упёрся в меня.

Рот дернулся уже отчетливее. Де Бельгарда явно забавляло происходящее, чего нельзя было сказать обо мне. Я продрогла, оголодала и перенервничала.

– Блез? – перевёл испытующий взор маг на вменяемого брюнета. Короткое, рубленое имя вполне ему подходило. Он и сам был похож на топор: резкий, основательный и плечистый – от него веяло уверенностью в себе. Такому не было нужды зажимать девушку в темном углу – скорее отбиваться от них приходилось.

– Себ выпил на площади и предложил развлечься. Я пытался отговорить. Не вышло, – коротко и четко отрапортовал Блез. Так я и думала. Главный в этой тройке херувим, но вовсе не из-за большого ума.

– Вас задержали сразу после полудня, – медленно, веско протянул де Бельгард, и мне захотелось отступить еще на шаг, хоть я ни в чем и не была виновата. Побелевший блондин мое мнение явно разделял. – Ты выпил так, что потерял контроль над собой и пошёл приставать к девицам с самого утра? Сколько раз я тебе говорил...

Маг оборвал сам себя, безнадежно махнув рукой: решил не трести бельём на публике, но и так все было ясно. Херувим злоупотребляет давно, и инцидент с Софи далеко не первый. Думаю, остальные так легко не отделались.

Тут мне стало дурно окончательно. Если подобные происшествия скрывают, то пропажу двух цветочниц никто не заметит. Были – и нету. Вдруг выпивший маг – это угроза мирным жителям, а мы слишком много видели?

– Это еще не все, Тьер... мсье Верховный маг, – оговорка блондина тоже не прошла мимо меня. Значит, де Бельгард – большая шишка и с херувимом у них близкие отношения. Сейчас нас точно начнут закапывать. – Эта сумасшедшая вздумала нам сопротивляться!

И он снова ткнул в меня пальцем. Руки чесались его сломать, но я сдержалась. Не подзревала в себе такой кровожадности! Но в оправдание могу сказать: довели.

Верховный маг снова перевёл взгляд на меня. Я в ответ уставилась на него, не видя смысла отпираться. Все равно перевес не на нашей стороне, думаю, и Софи, если ее спросить, повесит всю вину на меня. Так что спастись придется исключительно самостоятельно.

– Это была пьяная драка, мсье. Мы с подружкой просто попались под руку, – честно глядя магу в глаза, выдала я свою версию. Ни слова неправды, всего лишь немного перевёрнуты и сдвинуты акценты.

– Хм, – прищурился де Бельгард, а херувим заголозил:

– Врет она все, она мне нос сломала, сучка безбашенная!

– Прикажете принести Камень Истины? – подобострастно склонился к уху Верховного мага начальник участка. Тот благосклонно кивнул.

– Хорошая идея, мсье Пинчон. Несите.

Конечно же, сам пузатый усач ничего ниоткуда не понёс. Он помахал тем жандармам, что бесцельно мялись у стены, внимая бесплатному зрелищу. От общей группы отделились двое, одетые чуть опрятнее и богаче остальных. Доверенные лица? Заместители?

Стянув с шеи огромный, в ладонь длиной, витой ключ на цепи, начальник участка протянул его одному из подошедших мужчин и что-то прошептал ему на ухо.

Двое уполномоченных быстро сбежали куда-то и через пару минут вернулись, благоговейно неся в четыре руки металлический поднос, на котором лежало нечто, укрытое плотной тканью.

Ношу водрузили на стол перед Верховным магом, и тот поманил меня к себе.

– Подойдите, мадемуазель...

– Лили, – пискнула я, не справившись с голосом, и закашлялась. Фамилию я себе так еще и не придумала, но меня о ней и не спрашивали.

Де Бельгард улыбнулся и жестом фокусника сорвал покрывало, открыв присутствующим неправильной формы камень. Он напоминал мутный хрусталь и чуть светился розовато-сиреневым.

– Прошу вас повторить свои показания, положив руку на Камень Истины, – голосом доброго дядюшки предложил мне Верховный маг. – Если вы солжете, он обожжет вашу ладонь, имейте в виду. Магические ожоги не лечатся, как вы знаете.

– Знаю, да, – пробормотала я, недоверчиво оглядывая мерцающую штукювину.

Трогать ее не хотелось. Все внутри меня сопротивлялось мысли, что придется прикоснуться к неизвестной светящейся гадости, но выбора особого не было.

До сегодняшнего дня мне лично сталкиваться с магией не приходилось. В этом я была абсолютно уверена. Мозг подсовывал дикие обоснования того, что камень светится, но ни один из них не подходил, кроме самого логичного и невероятного – это артефакт. Заряженный ментальной магией предмет, способный определить, лжёт человек или говорит правду.

– Ну же, смелее, или вам есть что скрывать? – подбодрил меня де Бельгард.

Я решительно положила ладонь на светящийся камень.

– Клянусь, что этих идиотов и пальцем не тронула.

Полупрозрачный детектор лжи мельком полыхнул зелёным и снова вернулся к своему обычному, едва светящемуся розоватому состоянию. Среди жандармов раздалась редкие

смешки. Они оценили формулировку: камень подтвердил не только мою непричастность к побоищу, но и то, что троица не одарена умом.

Рисковала я прилично. Кто знает, насколько точно настроена эта штукавина и как подробно улавливает нюансы произносимого. Повезло. Размытость и обтекаемость использованной фразы не прошла мимо Верховного мага. Он прищурился, но кивнул, и светящийся Камень унесли. Хорошо, что он не начал настаивать на более подробном допросе.

Кажется, кто-то за мой счет решил преподать урок зарвавшимся юнцам. Зря я так паниковала, а все Софи со своим упоенным перечислением возможных казней. Оказывается, де Бельгард совершенно вменяемый, даже с чувством юмора. Я немного расслабилась, понадеявшись, что основная опасность позади.

– Врет она! – взревел херувим совершенно не по-ангельски.

Подбоченившись, я повернулась в его сторону.

– Послушайте, мсье. Вы уже достаточно сделали из себя посмешище, советую прекратить. Зачем списывать обычную кабацкую драку между приятелями на слабую женщину вроде меня? Скажите, разве хрупкой мадмуазель под силу побить троих мужчин? – я обратила взгляд обиженной лани на Верховного мага.

Тот успел выйти из-за стола и спуститься с возвышения к нам. Жандармы расходились, посмеиваясь украдкой. Хохотать в открытую над магом все же не осмеливались. Пузатый начальник участка замер округлой тенью за плечом де Бельгарда, внимая каждому жесту и подхалимски готовясь предугадывать малейшие его желания.

Похоже, магов если не боготворили, то близко к тому. И я посмела на сие великолепие поднять руку! То есть ногу. И голову, не забываем про голову.

Карие глаза пробежались по моему порванному платью, оценили лихо сдвинутый набок чепец, не забыли и разбитую губу, и назревающий синяк на лбу.

– Нет, конечно. Вы же такая безобидная, – с едва уловимой насмешкой выдал вердикт маг, делая шаг вперед. Я не успела ни уклониться, ни увернуться, будто меня пригвоздили к месту, а его палец бережно и осторожно уткнулся мне прямо в середину лба. От места соприкосновения наших тел пробежали ледяные иголки и быстро впитались куда-то под кожу.

– Вы что делаете? – почему-то шепотом уточнила я.

– Лечу вашу шишку, – так же тихо, заговорщически, ответил мсье де Бельгард и подмигнул мне. – Мадмуазель невиновна, это же очевидно. От этих троих за километр разит алкогелем.

Повернувшись к проштрафившимся ученикам, он скрестил на груди руки и уставился на них с таким суровым видом, что я на их месте покаялась бы во всех грехах, содеянных и только замышляемых.

– Подрались, обормоты? – насупившись, он смерил каждого отдельно пригвождающим к месту взглядом. Херувим попытался возразить, но Блез незаметно дернул его за рукав, призывая к молчанию. Раз Верховный маг решил, что они подрались между собой, то так тому и быть. Еще не хватало с ним спорить. – А вы задержитесь. Хочу с вами поговорить.

Фраза застала меня с занесённой над порогом ногой. Я обернулась и проверила – это точно мне? Маг на меня не смотрел, зато начальник участка, мсье Пинчон, строго погрозил мне пальцем. Я тяжело вздохнула и поставила ногу обратно.

– Ты иди, я задержусь немного, – подтолкнула я Софи в сторону выхода. Та двигалась неуверенно, медленно, будто все ждала, что ее позовут обратно. – Шевелись давай! Продолжения захотелось?

– Да я бы не против. Особенно с тем, черненьким, – выпалила девушка довольно громко. Блез, кажется, услышал и недовольно поморщился, а блондинистый Себ волком на него зыкнул. Да, кажется, не любят девушки херувима, а у того развиваются неслабые комплексы, побуждающие брать свое силой.

– Клеменс наверняка уже беспокоится, – нашла я благовидный повод вытолкать Софи вназад. Беречь тлеющие угли раздора и провоцировать троицу на очередную разборку я не хотела, а Софи, похоже, получала удовольствие от ситуации. Как же, за нее дрались три мага! Пусть на самом деле им всем напинала я, но официальная версия-то именно такая. Будет чем похвастаться подружкам.

Когда за последним жандармом закрылась дверь и мы остались в просторном гулком помещении впятером, – троица, Верховный маг и я – облегчения от наконец-то завершившейся в мою пользу разборки я не испытывала.

Непохоже, чтобы вообще что-то завершилось.

Кажется, все еще только начиналось.

Верховный маг выглядел непозволительно юно для столь высокого титула. Вряд ли он был намного старше своих учеников, или маги стареют как-то по-особенному? Список вопросов, которые я в срочном порядке задам Клеменс, рос в геометрической прогрессии.

Де Бельгард прошёлся мимо проштрафившейся троицы, смерив каждого уничижающим взглядом. Сначала в одну сторону, потом в другую. Когда он пошёл на третий заход, нервы херувима не выдержали:

– И ты ей поверил? Да она врет как дышит! – выпалил он, дёрнувшись, когда Блез уже ощутил локоть ему под рёбра. – Ее прибить мало, у меня нос до сих пор кровоточит!

– В Ровенсе закрылись все веселые дома? – скучающим тоном протянул Верховный маг, не сбиваясь с ритма. Пять шагов вдоль строя, у стола разворот, и еще пять шагов, к двери. – Или ты забыл, какой откат бывает от принятия алкоголя? Даже не буду спрашивать, с чего ты решил напиться с утра пораньше.

– Выходной же, – пожал плечами Себ, явно успокоившись и снова обнаглев. Он сменил позу с вытянутой почти по-военному, в струнку, на более расслабленную и горделиво подбоченился. – Мы в отгуле, имеем полное право развлечься.

– Имеете, – все так же безразлично согласился маг, а Блез и оставшийся безмянным шатен подобрались, старательно изображая статуи. Я слилась со стеной у самого выхода, недоумевая, зачем меня позвали на этот показательный спектакль и какие лично для меня будут последствия. Свидетелей унижения не просто не любят – мне гарантировано не слишком любезное внимание со стороны блондина. Мсье Верховный маг настолько уверен в моих силах, что доверяет мне побить его еще раз? Или я вообще из этой комнаты больше не выйду?

– Как поступает ответственный маг, если он желает расслабиться и выпить? Блез? – де Бельгард внезапно остановился нос к носу с брюнетом.

– Запирается в магоустойчивом помещении, желательно в подвале борделя или в доме любовницы! – бодро отрапортовал он, а после виновато покосился на меня. Мол, прости за правду жизни. Я слабо улыбнулась и пожалала плечами – мол, ничего страшного. Подоплека происходящего постепенно прояснялась. У магов, значит, есть взаимосвязь между выпивкой и девочками. Ничего особо оригинального, но одаренность, очевидно, усиливает силу влечения в разы. И раз Себ не особо ответственный, он вместо веселого дома полез к первой попавшейся девушке.

Хорошо, что я оказалась рядом.

– Дружно посмотрели на нее, – Верховный маг, не глядя, ткнул за свое плечо большим пальцем. Я вжалась в стену еще плотнее: устремлённые на меня взгляды обещали много чего интересного и неприятного. – Запомните эту девушку. И благодарите всех богов, что наткнулись на нее в том переулке.

А?

Мы уставились на де Бельгарда в одинаковом недоумении.

– Тебе повезло, идиот, что это была всего лишь цветочница, – терпеливо пояснил маг хлопаящему глазами Себу. – Была бы горожанка или, не приведи боги, знатная дама – ты был

бы либо женат уже, либо отвечал бы по закону перед ее мужем. Так что запомни этот урок и будь благодарен, что отделался сломанным носом, а не поломанной жизнью.

В глазах херувима читалось многое, но благодарности там точно не было. Я поежилась. Не самый лучший для меня способ воспитания подростков. Как бы они на мне не зациклились. Если начнут подстергать и мстить – еще полбеды, отмашусь. А если ухаживать? Вот не надо мне такого счастья.

Решив, что разъяснительной работы на сегодня достаточно, маг удовлетворенно кивнул и повернулся ко мне. Оставленные в покое ученики выдохнули, Блез сразу поймал Себа за плечо, что-то ему горячо втолковывая. Блондин огрызаясь, но слушал. Надеюсь, хоть чье-нибудь влияние на него будет достаточным, чтобы к нам с Софи он больше не полез.

Де Бельгард в два шага преодолел разделявшее нас расстояние и непринужденно устроился рядом со мной, как будто мы оба прислонились к стене отдохнуть после долгой прогулки.

– Скажите мне честно, – Верховный маг даже взял меня под локоток, склоняясь к моему уху. Я насторожилась. Ни один разговор, начатый с подобной фразы, ничем хорошим никогда не заканчивался. – Как вам эти оболтусы? Вижу, вы девушка правдивая, открытая. Мне интересно услышать мнение со стороны.

– В смысле, как? – осторожно уточнила я, поглядывая на оболтусов. Себ ругался с Блезом, третий, имени которого так и не прозвучало, будто его вообще не было ни здесь, ни в том переулке, отошёл к стене и безразлично прислонился к ней плечом, пережидая бурю.

– Не переживайте, не в матримониальном смысле. И я не предлагаю вам красоту их мужскую оценивать, – хмыкнул де Бельгард. – Как люди, личности, что вы можете сказать по поводу этих троих? Стали бы вы им доверять, и если да, то кому?

– Никому, – не задумываясь, выпалила я. Барьеры благоразумия, сдерживавшие меня до сих пор, смело волной откровенности. Верховному хотелось рассказать все, начиная с секретов детства, заканчивая тем, что у него над бровью очень кокетливая родинка и ему идет. Но меня об этом не спрашивали, поэтому приходилось ограничиваться ответами на поставленные прямо вопросы.

– А поконкретнее? – вкрадчиво прошептал маг.

– Я бы на вашем месте присмотрелась к нему, – я кивнула на тихо стоящего в стороне шатена. – И спиной ни в коем случае не поворачивалась.

– Да? – с нескрываемым любопытством глянул на меня Верховный маг. – Не соблаговолите ли пояснить, почему именно он?

Я немного помялась, слегка отрезвев. Выскажу сейчас своё честное мнение, а меня колесуют. Или чем там грозились? Кажется, я уже наговорила на пару гильотин. Интересно, кстати, что это? Наверное, какая-то экзотическая казнь. Странно, что Софи ее ни разу не упомянула, а расписывала она ожидающие нас ужасы в красках.

Глава 6

Чувствовала я себя странно. Будто немного выпила, но при этом мышление работало остро и четко как никогда. Только вот контролировать речь становилось все труднее – язык так норовил сболтнуть лишнее.

– Говорите смелее, как есть, – подбодрил меня де Бельгард. Я вздохнула и понизила голос. Хоть на это остатков моего благоразумия хватило. Стоит троице услышать, что именно я о них думаю – мне конец.

– Беленький – агрессивный идиот. Такие быстро заканчивают в темной подворотне с ножом в печени от обиженного брата или мужа какой-то из обесчещенных им пассий, – четко выдала я характеристику. – Брюнет довольно умён и честен, но подчинён идиоту, поэтому судьба его незавидна. А этот – себе на уме. Подобные ему даже нож в спину сами не всадят, но отойдут в сторону и полюбуются, как это сделает кто-то еще.

– Вы же в курсе, что говорите о моем кузене и его друзьях, которые еще и неслабые маги? – с лукавой улыбкой уточнил де Бельгард, а у меня в груди похолодело.

Совсем я расслабилась. Не думаю, кому говорю и что. И вообще, что-то со мной творится непонятное. Никогда в жизни не была так откровенна с посторонними. Может, маг на меня как-то влияет?

– Простите меня, ваше магичество, – я поспешно присела в реверансе, невзначай выдерживая свой локоть из цепкого захвата. В голове тут же слегка прояснилось, а ужас удвоился: что же я натворила? – Сама я девушка простая, не местная, леплю что ни попадя.

– Да нет, вы как раз говорите очень занимательные вещи, – склонив голову набок, маг продолжал меня изучать с вниманием ученого-исследователя, а я чувствовала, как по спине ледяным ручейком стекает пот. – Я даже рад, что немного подтолкнул вас к откровенности. Нечасто женщина обладает таким поразительным аналитическим складом ума.

Подтолкнул... так вот оно что! А я-то дура, расслабилась, разоткровенничалась. А на меня тут воздействие идет на полную мощность! Что там Камень Истины! Верховный маг – это опасность пострашнее. Поджарит не руку, но сразу мозг.

Я отшагнула назад, инстинктивно увеличивая между нами расстояние. Де Бельгард снова сократил его, придвинувшись вплотную. Позади меня по-прежнему находилась стена, отступать мне больше было некуда – я и так уперлась в нее лопатками и затылком до боли.

– Вы крепкий орешек, мадемуазель Лили. Мне пришлось применить четвертую ступень, хотя обычно достаточно девятой. Так что вряд ли кто-то, кроме меня, сможет повторить этот опыт – можете быть спокойны.

Спокойна? Да я в истерике! Этот... этот маг копался в моей голове, как в своем сундуке, вытаскивая на поверхность эмоции и мысли, заставляя откровенничать с совершенно посторонним, к тому же смертельно опасным человеком! Да за то, что я наговорила только что, меня не только колесуют и четвертуют – специальную мучительную казнь придумают и в мою честь назовут!

– Не переживайте так. Мысли я не читаю, не умею, – хмыкнул маг, оценив мое окаменевшее от бешенства лицо. – А доверять маленьким лгуньям просто так, без доказательств, не имею обыкновения. Зато теперь... могу вам сказать откровенно: вы меня заинтриговали. Кто вы такая, мадемуазель Лили? И что забыли среди цветочниц? С вашим уровнем сопротивляемости магии вам место в жандармерии. Или в гильдии наемников.

– Они берут женщин на работу? – ляпнула я не иначе от неожиданности. Де Бельгард усмехнулся, потревожив дыханием тонкие волоски на моей щеке, выбившиеся из-под практически дезертировавшего чепца.

– В жандармерию не берут, а в гильдию – еще как. Если хотите, я замолвлю за вас словечко, – шепнул он мне в самое ухо, и по моей шее побежали непрошенные мурашки. Кыш, предательницы! Я поспешно замотала головой, невзначай зацепив нос мага чепцом. Хоть на что-то он сгодился. Де Бельгард сморщился и отодвинулся от серовой старой ткани – а заодно и меня – подальше.

– Не надо, спасибо. Мне и цветочницей хорошо, – добавила я для ясности. Не думаю, что Клеменс после сегодняшнего пассажа выпустит меня на улицу в ближайшее время, но в гильдии наемников точно делать нечего. Могу представить, какие задания могут давать там женщинам. Совратить, соблазнить, украсть. Спасибо, я лучше цветочки буду в букетики сворачивать.

– Как хотите, – к моему облегчению, маг выпрямился, отстранился от меня и повернулся к ученикам. – Портал открывать не буду, сами понимаете, так что ножками. Вперед!

Повинуясь его команде, троица понуро побрела на выход. Де Бельгард у самой двери задержался, смерил меня еще раз непонятым взглядом, кивнул каким-то своим мыслям и вышел.

Я немного постояла, приводя в порядок дыхание. Что-то у меня с сердцем и легкими не в порядке: там колет, здесь зажало... Неужели простая близость к мужчине на меня так повлияла?

К красивому, властному, наглому и беспринципному мужчине.

Да, пожалуй, мурашки были правы, когда разбежались. Нужно и мне последовать их примеру: уйти отсюда поскорее и никогда, ни при каких обстоятельствах больше с Верховным магом не пересекаться.

Подышав и поправив чепец, я осторожно выглянула в коридор. Никого. Перебежками добралась до лестницы и, осторожно перевесившись через балюстраду, глянула вниз. Все жандармы занимались своими делами: болтали, спорили и разбирались с задержанными. В основном кулаками.

Приняв непринужденный вид, я спустилась вниз и, не сбавляя шага, направилась к двери. Никто ко мне не повернулся, только пара особо бдительных проводила безразличным взглядом, каким одаривают ползущего по потолку таракана: вреда никакого – главное, чтобы в суп не свалился.

Благополучно переступив порог и отойдя на квартал от жандармерии, я присела на корточки у сточной канавы, благо та была пуста и суха. Ноги меня не держали.

Только что меня миновало сразу несколько смертей. В переулке, в зале жандармерии и после – если бы состоялся суд, меня бы никто не помиловал. Мне страшно, безумно, дико повезло, что у Верховного мага обнаружилось извращенное чувство юмора и он меня использовал как воспитательное пособие для своих оболтусов. Вздумайся ему воспитывать не их, а общество – болталась бы я уже на виселице, чтоб другим неповадно было на магов руки распускать.

Или головой на колу сидела бы?

Не думать об этом, а то стошнит. Подавив горький ком, вставший в горле, и загнав его поглубже, я встала и побрела по переулкам практически наугад.

Дом Клеменс я нашла с трудом. Город при свете дня выглядел совершенно по-другому, нежели ночью, в дождь, а сейчас, в сумерках, и вовсе предстал в каком-то третьем варианте, и отыскать в лабиринте улиц нужную, учитывая, что подходить и спрашивать направление у мужчин я остерегалась, а женщины от меня шарахались сами, оказалось довольно сложно. Так что к моменту, когда я постучалась в знакомую калитку, практически стемнело.

– Лили, деточка, ты в порядке? Живая! – выдохнула Клеменс, стискивая меня в неожиданных и тёплых объятиях. Я обвила ее руками в ответ, чувствуя, как пережитый ужас посте-

пенно покидает тело. Конечно, маги и их забавы никуда не делись, но хотя бы в пределах уютного домика на окраине столицы можно было сделать вид, что все в порядке.

– Вроде живая, – неловко пошутила я, осторожно высвобождаясь и поправляя на плечах Клеменс шерстяную шаль.

– Девочки домой идти не хотели, еле выпроводила. Софи такие страсти рассказала, мы не знали, что и думать. Из-за нее правда маги подрались? – сверкая от любопытства глазами, оживившись в предвкушении свежих пикантных сплетен, хозяйка даже помолодела. Спыхватившись, что мы так и стоим на пороге, она за руку потащила меня в дом и сразу на кухню, к очагу.

Только оказавшись у огня и заметив, как от одежды повалил клубами пар, я поняла, до какой степени продрогла. Клеменс всплеснула руками и, потребовав, чтобы я немедленно раздевалась, убежала за сменной одеждой.

Кого стесняться-то? Окна в кухне под потолком, дверь закрыта. Недолго думая, я быстро избавилась от мокрых тряпок. Даже шнуровка поддалась без проблем, чувствуя мое настроение. Попробовала бы заартачиться, я бы просто надрезала ее и все. Не до сантиментов в моем состоянии.

Хозяйка вернулась, сгрузила аккуратно сложенную безразмерную рубашку и стопку одеял на стул рядом со мной, поставила на огонь котелок с водой, для чая, и вытащила с полки накрытое тканой салфеткой блюдо, на котором оставались еще два сиротливых пирожка с капустой.

– Девочки тебе оставили, – кивнула она, пока я, клацая зубами, переодевалась и заворачивалась в слои шерстяной ткани. Благодарно кивнув, я устроилась за столом и вгрызлась в пирожок. Со всеми происшествиями я пропустила не только обед, но и ужин, и молодой организм настоятельно требовал своего.

В замысловатый травяной сбор, который Клеменс охарактеризовала как «противопро-студный», она щедрой рукой долила чуть ли не полчашки мёда. Для пушшего эффекта. Глотнув приторной обжигающей жидкости, я залюбовалась игрой пламени в очаге. Все что угодно, только бы не смотреть в глаза хозяйке.

Она меня приютила, а я, получается, ей одни проблемы приношу. Как бы и до нее маги не добрались. Чисто из вредности.

– Ну, рассказывай, – подбодрила меня она. – Как так получилось, что ты полезла спасать Софи от магов? Я ведь не дура, понимаю, что из-за этой глупышки никто драться бы не стал, она бы всех осчастливила по очереди с большим удовольствием. А вот ты у нас со странностями.

– Да, я сама себе удивляюсь иногда, – призналась я, все еще глядя в огонь. – И вы правы, я полезла за нее заступаться. Нас арестовали и только чудом выпустили. Верховный маг оказался вменяемый мужик, с чувством юмора. Странноватым, правда, но хоть каким-то – уже хорошо.

Клеменс побледнела, сравнившись цветом со своей рубашкой.

– Верховный маг? Вы наткнулись на самого де Бельгарда? – едва слышно пробормотала она. Я помотала головой.

– Его ученики наткнулись на Софи. А он нас вытащил из жандармерии.

Откинувшись на спинку стула, хозяйка замахала себе в лицо подолом передника.

– Уморишь ты меня, – пропыхтела она, отойдя немного от новостей. Я виновато потупилась в чашку и отпила еще отвара, пока тот не остыл. Меня все еще знобило, и тепло, прокапывающееся по горлу, было совершенно не лишним.

– Скажите, а маги владеют внушением? – мне все еще не верилось, что человека можно вот так запросто заставить выложить все свои мысли. Под выпивкой или наркотиком каким – еще понимаю, но я ничего не пила и не ела с завтрака, тем более в компании Верховного. – Я там, кажется, наговорила... всякого.

– Да что они только не могут, – отмахнулась Клеменс. – И думы все потаенные вытаскивают, и ложь чувят, и дождик могут вызвать с градом, и убить молнией. Только все от силы зависит. Верховный – он самый одаренный, другого такого ни в одном королевстве нету. Ты не смотри, что молодой он, такую должность при короле за знакомства не дают.

Она говорила с такой гордостью, будто достоинства де Бельгарда – ее личная заслуга, плод давней садовой селекции. Ну, патриотизм, наверное, в какой-то степени – у нас маги самые магические, завидуйте все.

Поджав ноги и уткнувшись подбородком в колени, я прихлебывала горячий отвар и думала.

Маг рассуждал о «каких-то там цветочницах», противопоставляя их даже простым горожанкам, будто мы не цветами торговали, а телом. Презренное племя, никому не нужное. Странно вообще-то. Девочки из кожи вон лезут, целыми днями на ногах, в любую погоду, неужели они не заслуживают немного уважения? Тем более, кажется, торговля – дело вполне пристойное. Не для благородных, конечно: им презренный металл считать зазорно, они только тратить должны уметь и распорядиться. Но уж точно купцы по положению стоят выше простых ремесленников.

– Я не понимаю, почему девочки вообще торгуют на улице. Неужели мы не можем все скинуться и открыть лавку? Хоть бы и здесь? Помещение подходящее, распахнуть пошире ворота... – натолкнувшись на серьезный, испытующий взгляд Клеменс, я резко закрыла рот, но было уже поздно.

– Откуда ты, что не знаешь элементарных вещей? – строго поинтересовалась она. Я пожалала под одеялами плечами – ответить мне было нечего. – Совсем, наверное, глухая деревня была. Или отдаленное поместье.

Да, учитывая, что я по легенде горничная – удаленная от столицы резиденция вполне подходила, объясняя пробелы в моей приспособленности к жизни. Барышню одеть, барышню раздеть, прореху зашить – это все понятно, а выживать в городских лабиринтах меня не учили.

– Чтобы открыть лавку, ее нужно сначала зарегистрировать в реестре торговых пунктов, – загибая пальцы, деловито начала перечислять бюрократические шаги Клеменс. Кажется, я наступила, того не зная, на большую мозоль. Этот вопрос женщиной явно был изучен вдоль и поперёк. – Для того, чтобы заявление приняли, у тебя должна быть рекомендация от твоей гильдии. А у нас ее нет.

– От гильдии торговцев? – звучало знакомо. Что-то я о подобных организациях слышала. – Ну так нужно попросить и все. Пусть дадут ту рекомендацию. Или дорого очень?

Клеменс, не скрываясь, фыркнула, потом не выдержала и расхохоталась.

– Ты такая наивная, милая. Кто же нас возьмёт в гильдию?

– Так мы в ней не состоим? А как тогда торгуем? – удивилась я. Хозяйка пожалала плечами.

– Да так же, как девицы в веселых домах – телом. Все знают, чем они зарабатывают, а поди докажи. Так и с цветочницами. А в гильдию нас не берут, потому что товар несерьезный и заработать с него так, чтобы приносить главе существенный доход, мы не можем. Один взнос за вступление – пять ливров. Мы не потянем, даже если все вместе скинемся.

– Так можно в другие гильдии вступить. Ремесленников, например. Или земледельцев, – предлагала я варианты, и на каждый хозяйка с сожалением качала головой. Пытались, пробовали, стучались в закрытые двери. С нынешней системы продаж цветов доход и правда невелик – пока довозят до города, пока рассортируют, пока завернут бутоньерки, да и раскупают далеко не все, а девочкам еще их долю выделить – самой Клеменс вряд ли достанется много барыша.

– А за открытие гильдии какой взнос? – я подобралась на стуле, даже ноги спустила на пол, не замечая леденящего ступни холода камней.

– В каком смысле? – удивилась хозяйка. Ей такой вариант, похоже, и в голову не приходил.

– Если мы откроем гильдию цветочниц. Отдельную, свою. Во что это нам обойдется? – терпеливо повторила я. Тему такую, конечно, на ночь глядя в полупростуженном состоянии обсуждать не стоит, но уж очень я загорелась идеей. В частности, очень хотелось утереть нос неким магам, которые цветочниц и за людей-то не считают.

– Не знаю, – растерянно пробормотала хозяйка. – Новые гильдии давно не открывались. Надо уточнить.

– Вы уточните, – ласковой крокодилицей улыбнулась я. – Очень уж любопытно.

Мысленно я уже потирала руки. Если гильдии давно не открывали, то и взнос, скорее всего, не менялся. Надеюсь, он не совсем уж неподъемный. Даже в таком случае, если объединить усилия всех цветочниц, – а по Ровенсу, не говоря уже обо всей остальной стране, их разбросано немало, и если они все скинутся по одному су, насобираем несколько ливров минимум – то создать собственную гильдию становится не такой уж утопичной задачей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.